

Яков Ноевич Длуголенский

Жили-были солдаты

Не потеряйте знамя. Рассказ

Однажды играли ребята в войну. Играли, играли, а потом надоело. И патроны кончились, и обедать позвали. Заключили они мир и побежали домой.

А знамя осталось.

Воткнутое в кучу песка.

Подошла к нему пожилая собака Альма, потрогала носом, знамя упало, и Альма наступила на него.

А в это время с работы шёл Мишин папа. Увидел забытое знамя, прогнал Альму и снова воткнул знамя в песок. А потом сел на скамеечку рядом.

Увидел Миша в окно папу и выбежал во двор.

— Ты что тут, папа, сидишь?

— Так, — сказал Мишин папа.

Удивился Миша и сел рядом.

Увидел Митька Соловушкин в окно, что Миша и его папа сидят рядом, и тоже вышел во двор.

— Вы что тут сидите?

— Так, — сказал Мишин папа.

Потоптался немного Соловушкин и тоже сел.

Тут возвращается из булочной Колька с пятого этажа, видит, что все сидят, и тоже подошёл.

— Можно, я посижу?

— Посиди, посиди, — сказал Мишин папа.

Колька, конечно, тоже сел.

А потом и другие ребята подошли. Посмотрел на них Мишин папа и вдруг спрашивает:

— Так кто у вас тут командир?

— Я, — отвечает Миша, — я командир.

— А знаешь ли ты, командир, что на твоём знамени Альма сидела?

— Знаю, — говорит Миша. — Она на нём всегда сидит. Она, наверно, его любит.

Ничего не ответил Мишин папа, только нахмурился.

— Тогда слушайте, что я вам сейчас скажу... Представь себе, Михаил, что ты — маршал, и ещё представь, что я — командир. Дивизия моя только что сформирована, привезли ко мне молодых солдат, отдали под моё начало. Всё теперь у меня есть: и пушки, и солдаты, нет только знамени. А без знамени дивизия — ещё не дивизия. И вот ты, маршал, приезжаешь вручать мне знамя...

— А на чём он приезжает? — спросил за Мишу Соловушкин.

— На коне. На чёрном, как порох, коне... Я встаю на одно колено, целую край знамени и говорю: «Клянёмся не опозорить это знамя!» И вся дивизия вслед за мной говорит: «Клянёмся!» И вот проходят годы, меняются люди в дивизии: одни погибают на фронтах, другие просто стареют, — а знамя остаётся. Не такое, правда, новое, как в первый день, но остаётся. И все по-прежнему отдают ему честь...

— Почему не такое? — спросил Миша. — Ты же сам говоришь, что я новенькое вручал...

— А что же тут удивляться? — сказал папа. — Люди стареют — вы не удивляетесь,

дивизии стареют — вы не удивляетесь, а если знамя побывало в боях и остались на нём следы пуль — вы удивляетесь? Знамёна тоже стареют... Да только делаются ещё лучше. И вот наступает самый грустный день, когда приходит на пост к знамени молодой солдат и засыпает, стоя на посту... Вернее, не засыпает, а уходит домой обедать. А к одинокому знамени подбегает Альма, садится на знамя и начинает грызть его и трепать. И от знамени остаётся одно древко. А древко — это не знамя, древко — это просто древко.

— А я не уйду обедать, — сказал Миша. — Сяду вот тут и не уйду.

— И я не уйду, — сказал Соловушкин. — Сяду вот тут и не уйду.

— Я первый сяду, — сказал Коля и сел поближе к знамени.

Остальные ребята тоже сели.

Подождал немного Мишин папа и говорит:

— А помнишь, Михаил, когда вручал ты мне знамя, мы говорили, что без знамени дивизия — не дивизия, и говорили, что не опозорим?

— Ну, — хмуро сказал Миша, — говорили.

— Значит, не сдержали слова. И дивизию наказывают: зачёркивают боевой номер, а всех солдат и командиров отправляют по разным другим частям. И больше никогда не быть дивизии дивизией, не иметь своего знамени, а номер её никогда не появится в военных сводках, потому что опозоренный номер не захочет носить никакая другая дивизия... Вот что такое знамя! — Папа встал, подошёл к знамени и вытащил его из песка. — А теперь, товарищи бойцы, разрешите вручить вам знамя...

Миша сразу вскочил со скамейки, остальные ребята тоже, а Соловушкин ещё успел сказать Коле:

— Ты положи батон на скамейку... в строю с батоном не стоят.

Коля положил батон.

И Мишин папа вручил знамя. А потом отдал знамени честь и пошёл домой. И когда он совсем ушёл, Миша сказал:

— Эх вы, взяли и бросили знамя...

— Это ты сам бросил, — сказал Соловушкин. — Я-то не бросал. Я только на минуточку домой сбежал. А оно вон, смотри теперь, всё в песке...

— И я сбежал, — сказал Коля. — В булочную.

И Миша, видя, что все говорят неправду, тоже сказал:

— Пока ты бегал, я за ним из окна наблюдал... Я и во двор-то вышел, чтобы Альму прогнать...

— И я — чтобы прогнать, — сказал Соловушкин.

— И я...

— И я...

И тут им всем стало страшно неловко, что они говорят друг другу неправду, и они поскорее сели около знамени и стали стряхивать с него песок.

МИША ЕДЕТ К СОЛДАТАМ

Вечером Миша сказал папе:

— Папа, возьми меня к солдатам!

— Ладно, — сказал папа. — Возьму.

И Миша очень обрадовался, что увидит теперь настоящее знамя.

Утром они ехали в трамвае, потом шли пешком.

— А у тебя солдат много? — спрашивал Миша.

— Много.

— А пушки большие?

— Большие.

— А постреляем?

— Постреляем.

— Эх, — говорил Миша, — пушечки, мои пушечки, всё равно я буду моряком. Тут они подошли к высокому забору, дверь перед ними открыли, и Миша увидел: большой, как пустая площадь, двор, несколько домиков на краю площади, солдата под деревянным грибком, ещё солдата, который, не торопясь, подметал площадь, и солдата в переднике, с бачком в руках, который шёл по самому краю площади. — Смирно-о-о! — вдруг закричал кто-то. И Миша вздрогнул от неожиданности. И солдат под грибком вздрогнул. И солдат, что нёс бачок, торопливо поставил свой бачок на землю. А солдат, что подметал площадь, недошаркнул вдруг метлой и перестал подметать. Мишин папа посмотрел на всё это и сказал: — Вольно. — Вольно! — опять закричал кто-то. И солдат под грибком немедленно поставил карабин к ноге. Солдат с бачком отправился дальше. А солдат с метлой просто-таки затанцевал по площадке: «вжик-шик, — запела метла, — шик-вжик...» — Вот мы и пришли, — сказал папа.

СУРГУЧНЫЙ ПАКЕТ

В штабе Мишиного папу ожидал пакет. Это был настоящий военный пакет с тремя сургучными печатями и одной красной звёздочкой наверху. Пока Мишин папа читал, Миша познакомился со всеми офицерами, а с одним офицером даже дважды: когда офицер был в плаще и когда офицер снял плащ. Конечно, они долго смеялись, что не узнали друг друга. А потом Миша оглядел штаб и спросил: — А ведь это штаб? — Штаб, — сказали ему. — А это карты? — Карты, — сказали ему. — И по ним воюют? Если это военная тайна, то можете мне не говорить. Прямо из штаба воюют? — Прямо из штаба. Всё обдумают и вот, понимаешь, воюют... — А лишних звёздочек у вас нету? — на всякий случай спросил Миша. — Нету. — И у вас нету? — И у меня нету. «Так, — вздохнул Миша, — лишних звёздочек, значит, ни у кого нету». Тогда сказал один офицер: — У меня есть блокнот. И я обязательно дам порисовать тебе, когда ты захочешь. — А я уже хочу, — сказал Миша. Офицер вытащил из стола хороший толстый блокнот и ещё две коробки цветных карандашей. — Рисуй, — сказал он Мише. Но только Миша сел рисовать и нарисовал пятерых солдат и пятерых матросов, часть из которых шла в атаку, а часть не шла, как Мишин папа сказал: — Придётся тебе, Михаил, погулять одному. Около штаба — так, чтоб я тебя видел. А потом мы что-нибудь придумаем. — А что мы придумаем? — спросил Миша.

— Кто с тобой будет гулять дальше. Показывать солдат и пушки.
— А ты? — спросил Миша.
— А я не могу. Видишь, пакет. И никто из офицеров не может. Надо быть на совещании. Погуляй, а то вон как тут накурено... — И папа стал разгонять дым, а потом закурил сам. — Только не исчезни.
— Не, — сказал Миша, — не исчезну...
Слез со стула и пошёл.

БРЫКИН

«Хотя с папой, конечно, интереснее, — думал Миша, — но без папы тоже хорошо. Будто один пришёл к солдатам и куда хочешь, туда и иди».

Миша походил немного под окнами, как просил папа, а потом решил посмотреть, что делается за углом.

За одним углом, например, двое солдат красили забор.

За другим — двадцать, а может, пятьдесят солдат разучивали, как правильно поворачиваться на месте.

Миша посмотрел и сам попробовал.

«Ничего трудного, — подумал Миша. — Раз попробовал — и получилось...»

А солдаты всё поворачивались и поворачивались. Наверно, у них ничего не получалось.

За третьим углом опять сидел солдат. Волосы у солдата на голове торчали «ёжиком». Рядом с солдатом сидела большая собака (ещё больше Альмы), и солдат, на коленях у которого лежала гимнастёрка, чистил собакой пуговицы. Собака жмурилась, а пуговицы на гимнастёрке блестели.

Миша даже рот раскрыл: «Неужели правда — собака пуговицы чистит?»

Тут солдат надел гимнастёрку и стал чистить собакой пряжку от ремня.

Миша подошёл поближе и сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуй, — посмотрел на него солдат.

— А вы что делаете? — спросил Миша.

— Пуговицы чищу, — сказал солдат.

— А она что делает?

— Помогает, — сказал солдат. — Верно, Гашетка?

Собака посмотрела на Мишу жёлтым глазом и будто сказала: «Верно».

«Всё равно не поверят, — подумал Миша. — Ни Соловушкин не поверит, никто, что собака пуговицы чистит...»

— А ведь я тебя знаю, — сказал солдат. — Ты сын начальника штаба. Миша.

— Да, Миша, — удивился Миша. — А вы откуда знаете?

— Я всё знаю, — сказал солдат. — Я только одного не знаю: почему ты ходишь один, а не смотришь с папой солдат и пушки? Вот чего я не знаю...

— А папа не может, — сказал Миша. — Папе принесли пакет. И папа сказал: походи немного у штаба, а потом мы что-нибудь придумаем... А что он придумает?

Тут солдат отправил Гашетку в конуру («Карауль», — сказал).

— А вы правда всё знаете? — спросил Миша.

— Правда, — строго сказал солдат.

— А пушки какие, вы знаете?

— Зелёные, — сказал солдат.

— А почему зелёные, вы знаете?

— Знаю, — сказал солдат. — Потому, что зелёный цвет — защитный цвет. Для военных защитный цвет — очень важно. Вот тебе пример. Стоит красная пушка в зелёном лесу. Видно красную пушку в зелёном лесу?

— Видно, — подумав, сказал Миша.

— А вот тебе другой пример. Стоит зелёная пушка в зелёном лесу. Видно зелёную пушку в зелёном лесу?

— Не видно, — признал Миша.

— Солдат всё знает. А теперь давай пойдём к штабу, и ты позови: «Папа!»

— А дальше что? — смотря солдату в рот, спросил Миша.

— А дальше твоему папе скажу я. Кажется, я тот самый человек, который тебе, Миша, нужен. А то мне, понимаешь, неудобно кричать в окно: «Товарищ полковник, а товарищ полковник!»

Они пошли к штабу, и Миша сделал так, как говорил солдат.

— Что? — высовываясь из окна, спросил папа. Но тут увидел солдата, обрадовался и сказал: — А, это вы, Брыкин?

— Так точно, товарищ полковник, это я.

— Послушайте, Брыкин, — сказал папа, — что вы сейчас делаете?

— Он пуговицы чистил, — сказал Миша и хотел добавить про Гашетку, но подумал: «Может, нельзя?»

— А шефство над моим сыном не возьмёте? — спросил папа. — А то, понимаете, у меня совещание, и я никак не могу. Возьмите шефство над моим сыном, Брыкин, и покажите ему солдат и пушки. Справитесь?

— Так точно, — сказал Брыкин. — Справлюсь.

— А ты веди себя как следует, — сказал папа Мише. — Я потом проверю.

— Я буду вести себя как следует, — сказал Миша.

Тут Брыкин взял его за руку, и они пошли.

ПРОБА

— Что ты хочешь сначала посмотреть, — сказал Брыкин, — пробу, пушки, солдат или знамя?

— Пушки! — сказал Миша.

А потом подумал и сказал:

— Знамя!

А потом ещё подумал и спросил:

— Какую пробу?

— Как обед приготовили, — сказал Брыкин.

Они пошли к столовой, и там Брыкина ждал повар.

Военный повар был обыкновенным поваром. Военными у него были только сапоги.

Сразу было видно, как волнуется повар.

— Осторожно, Брыкин! Не упади, Брыкин! Здесь плохие ступени, Брыкин! Как здоровьице, Брыкин? Что пишут из дома, Брыкин?

Даже Мише, который вовсе не собирался снимать пробу, повар говорил:

— Ишь какой, Брыкин... Он с тобой, Брыкин? Ему дать компот, Брыкин? Он чей, Брыкин?

— Начальника штаба, — сказал Брыкин.

И повар сразу откликнулся:

— На, ешь компот.

Но Миша не стал есть компот, так как боялся пропустить, как Брыкин будет снимать пробу.

А Брыкин вымыл руки, надел белый халат и подошёл к плите.

— Хе-хе, — сказал повар, — щец — что надо...

Брыкин зачерпнул немного в тарелку, попробовал...

— Что надо? — спросил повар.

— Что надо.

Потом Брыкин попробовал гречневую кашу.

— Ты масло положи, — обиженно сказал повар. — Что же ты без масла пробуешь?

Брыкин положил. Каша оказалась тоже что надо.

А потом Брыкин попробовал компот.

— Ну, — тревожно спросил повар.

— Ну? — спросил Миша тревожно.

— Что надо, — сказал Брыкин.

И повар сразу потерял всякий интерес и к Мише, и к Брыкину. Стал командовать кому-то, чтоб резали хлеб. Раз вкусно, что же теперь беспокоиться? Надо теперь кормить.

Когда Миша и Брыкин вышли из столовой, Миша спросил Брыкина:

— А чего он вас про здоровье спрашивал? Вы что, болели?

— Нет, — сказал Брыкин. — Это он волновался.

— А чего он волновался?

— Вкусный обед или нет. Может, это только ему кажется, что вкусный, а я попробую и скажу, что нет... Вот он и волнуется. У него обеды всегда вкусные, но он всё равно волнуется. Такая уж должность — повар.

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ ЧАСОВОЙ

Тут они подошли к домику, где хранилось знамя, вошли, и Миша сразу увидел знамя: оно стояло на возвышении, под стеклом, а рядом был часовой.

Брыкин отдал знамени честь.

Миша тоже хотел отдать честь, но, во-первых, постеснялся, а во-вторых, не знал точно: отдают моряки сухопутному знамени честь или не отдают.

Миша посмотрел на часового. А часовой посмотрел на Мишу. У часового шевельнулись только глаза — сам часовой не шевельнулся.

— Здравствуйте, — сказал ему Миша.

Часовой не ответил.

— А он что, не дышит? — спросил Миша.

— Что ты, дышит, — сказал Брыкин.

— А не шевелится почему?

— А потому, что он — часовой у знамени. У знамени часовой не шевелится.

— И давно не шевелится? — спросил Миша.

— Вот, — сказал Брыкин, — скоро уже два часа.

И тогда Миша подумал, что часовой устал, наверное, не шевелиться так долго, и сказал Брыкину:

— А давайте принесём ему табурет. Он посидит немного, отдохнёт, а потом опять встанет и опять не будет шевелиться.

— Нельзя ему это, — сказал Брыкин.

И Мише показалось, что часовой хотел улыбнуться, но не стал.

— Нельзя ему, — повторил Брыкин. — Сядешь на табурет и уснёшь. А тут, сам понимаешь, знамя...

— Да, — сказал Миша, — понимаю. Знамя.

И тут вспомнил, что рассказывал ему папа про знамя, и ещё вспомнил про Гашетку, испугался и сказал:

— Дядя часовой, а дядя часовой...

Но часовой опять только шевельнул глазами.

— Ему говорить тоже нельзя, — сказал Брыкин.

— А мне можно?
— Тебе можно.
— Тогда пусть он не говорит, — сказал Миша, — я ему сам скажу... важное. Он слышит?
— Слышит, — сказал Брыкин.
И Мише опять показалось, что часовой хотел улыбнуться.
Миша сказал:
— Часовой, а часовой... Я знаю один случай — про то, как собака знамя съела. Часовой ушёл, а она прибежала и съела... У вас тут Гашетка бегаёт; она не съест?
— Нет, — сказал часовой.
— Он говорит?! — удивился Миша.
— Это я говорю, — сказал Брыкин. — Он не говорит. У нас, Миша, знамя не пропадёт. У нас не такие солдаты. Да и Гашетка не будет его есть. Ведь это солдатская Гашетка, и понимает: самое дорогое у солдата — знамя. Разве будет она его есть?
Миша подумал и решил, что, конечно, не будет: разве военная собака станет знамя есть?
— А можно, — сказал Миша, — я посмотрю на знамя вблизи?
— Можно, — сказал Брыкин.
Они подошли к часовому совсем близко, под сильные лампы, которые освещали часового и знамя, и Брыкин приподнял Мишу, и Миша вдруг увидел на знамени дырки.
«От пуль!» — сразу догадался Миша. И ещё увидел на красном полотнище орден. А какой — Миша не знал.
— Какой это орден? — спросил Миша Брыкина.
— Суворова, — сказал Брыкин. — Не так уж много знамён, которые носят орден Суворова. А теперь — пошли. А то часовому попадёт, что мы около него крутимся. У знамени никто крутиться не может: ни ты, ни я, ни командир... У знамени может быть только часовой.
Миша сказал:
— До свиданья.
Брыкин отдал знамени честь.
И тогда Миша тоже отдал знамени честь. Про себя только.
«Так вот оно какое, знамя, — думал Миша. — Настоящее знамя. С орденом. И с дырками от пуль».

ЛЁША

— А теперь мы куда? — спросил Миша. — К пушкам?
— Пушки все одинаковые, — сказал Брыкин. — Одну посмотришь, а другие и смотреть нечего. Другое дело солдаты: разные все... В спортзал мы пойдём.
В спортзале стояли брусья, конь, турник и стол. Самый обыкновенный стол.
В углу смуглый солдат в синих трусах и белой майке поднимал штангу. На штанге было много блестящих никелированных «блинов», и солдат поднимал их все сразу.
— Это мой знакомый солдат Лёша, — сказал Брыкин.
— Сильный, — уважительно сказал Миша.
— Конечно, сильный, — подтвердил Брыкин. — Ты сядь на него — он и тебя поднимет. Да что тебя! Он знамя одной рукой несёт...
— Одной рукой? — не поверил Миша. — Сильный!
— Конечно. Чтоб держать знамя, надо быть сильным.
Миша хотел спросить, куда Лёша несёт знамя, но Лёша опустил штангу и сказал:
— Привет, Брыкин!
А потом объяснил, почему не сказал раньше «привет»: держать над головой штангу и говорить «привет» — тяжело.
— А стол вы поднимете? — подумав, спросил Миша.
— А стол ты поднимешь? — спросил Брыкин.

— За одну ножку? — понимающе спросил Лёша.
— Да, — радостно сказал Миша, — за одну.
Лёша подошёл, крикнул и поднял стол за одну ножку.

— Сильный, — уважительно сказал Миша.
— Конечно, сильный. Ты сядь на него — он и тебя поднимет.
— А вы? — спросил Миша.
— А я не могу, — сказал Брыкин и посмотрел в сторону, где солдат Лёша натирал руки чем-то белым.

— Почему не можете? — спросил Миша.
— Потому что я не сильный...
— Но вы же солдат? — горестно спросил Миша.
— Солдат, — горестно сказал Брыкин.

Тут Миша посмотрел на Брыкина, сравнил, какой высокий Лёша и какой маленький Брыкин, и всё Мише стало понятно.

«Эх, — подумал Миша, — почему Лёша такой высокий и почему Брыкин не такой? Будь он высоким, обязательно нёс бы знамя. И стол за одну ножку смог бы тогда поднять...»

Мише стало ужасно обидно за Брыкина.

И Миша впервые усомнился в том, что солдаты всё могут.

ЧТО МОГУТ СОЛДАТЫ

От огорчения Миша не спросил даже про пушки, а только сказал рассеянно:

— А теперь куда?
— На полосу препятствий, — сказал Брыкин.

Миша пошёл за Брыкиным и увидел, что никакая это не полоса: просто за домиками, понастроены какие-то штуки, около них стоят солдаты, и офицер что-то объясняет им.

— Это и есть полоса? Тогда это у нас тоже есть, — сказал Миша, показывая на гимнастическое бревно. — Мы по нему бегаем, и не страшно. Только Митька Соловушкин трусит. Один во всём дворе.

— А чего он трусит? — спросил Брыкин.
— Так — боится...

Миша хотел рассказать про Соловушкина, но в это время двое солдат спрыгнули в окопчик, офицер сказал: «Внимание... марш!» — и солдаты снова выскочили из окопчика и побежали, пригибаясь к земле.

— Куда они бегут? — удивился Миша. — К проволоке?

Солдаты действительно бежали к проволоке. Это было странно, потому что проволока была натянута над самой землёй и в ней запутался бы даже кролик, вздумай он туда залезть.

— Они поползут под проволокой, — сказал Брыкин.

— Зачем? — удивился Миша.

— А если проволока в бою попадётся? Не проползут, запутаются... Уж лучше пусть сейчас запутаются.

И точно. Один солдат запутался.

— Не дёргайся! — кричали солдату, который запутался. — Не дёргайся! А то ещё больше запутаешься!

А второй солдат уже бежал по бревну, словно это было не бревно, а асфальтовая дорожка, потом перепрыгнул низенький заборчик, потом одолел высокий забор, потом спрыгнул в маленький окопчик и швырнул две гранаты в какую-то щель.

«Бабахнет сейчас!» — зажмурился Миша.

Но Брыкин сказал:

— Они не настоящие.

И Миша сразу тогда открыл глаза и как ни в чём не бывало поправил свою бескозырку. Запутавшегося солдата вынимали из проволоки. У него съехала каска, и Миша вдруг увидел, что солдат — рыжий. Это почему-то так удивило Мишу, что он сказал:

— А солдат-то рыжий?

— Ну и что? — сказал Брыкин. — Красиво.

А второй солдат в это время подбегал уже к деревянному дому. Конечно, не к настоящему дому: вместо дома была стена и окошки — на первом и втором этажах.

— Сейчас полезет на второй этаж, — задрал голову, сказал Брыкин.

— На второй этаж по этой стене? — не поверил Миша.

— По этой.

— Но там же не за что держаться!

— Удержится, — сказал Брыкин. — Солдат есть солдат.

И точно. Солдат вскарабкался по голой стене и прыгнул со второго этажа.

— Всё? — зажмурился Миша.

— Бежит дальше.

— Ну, теперь-то просто, — открыв глаза, сказал Миша. — Теперь-то он перепрыгнет эту канаву. Там что, вода?

— Вода.

— А не перепрыгнет?

— Свалится в воду.

Солдат не перепрыгнул.

— Придётся ему начинать сначала, — огорчённо сказал Брыкин. — Не перепрыгнул.

— Он устал, вот он и не перепрыгнул, — сказал Миша. — Если б не устал, перепрыгнул бы...

— Верно, — сказал Брыкин. — И всё-таки придётся ему начинать сначала...

Солдат вылез из канавы, поднял свои ненастоящие гранаты и пошёл начинать сначала. Даже каска и автомат были у него мокрые, не говоря уже о сапогах, гимнастёрке и сумке с противогазом. Солдат снял каску и вытер лоб.

— Так ведь он тоже рыжий! — взвизгнул Миша. — А вы говорили — солдаты разные... Одинаковые все!

— А они братья, — сказал Брыкин. — Братьям можно быть одинаковыми.

Но Миша только недоверчиво покачал головой.

Как будут бежать солдаты второй раз — смотреть не стали.

Миша сказал:

— Вы тоже так бегаете?

— Тоже, — сказал Брыкин. — Я на этом деле зуб потерял. Пластмассовый вставили.

— Больно было? — спросил Миша.

— Больно, — сказал Брыкин. Но, увидев, что Миша как-то странно задумывается, добавил: — Да ты что? Солдатам огорчаться не положено. Ты же видел — они храбрые парни, и полоса препятствий для них, в общем-то, пустяк. А случайности бывают везде: идёшь-идёшь, например, и споткнёшься...

И хотя случайности бывают везде, Миша всё равно расстроился: во-первых, из-за зуба, а во-вторых, из-за того, что солдатам приходится взбираться по стене, где нет даже ручек, а у них не всегда всё получается, и они устают.

— Ты не расстраивайся, — сказал Брыкин. — Ты ещё не знаешь, что могут солдаты.

— Ну, — сказал Миша. — Что?

— Всё. Реки переплывать. Заборы красить. Песни петь. Сапоги чистить. Дома строить. Из пушек стрелять. Всё могут! А ты расстраиваешься...

— И вы можете?

— И я могу. Я только штангу поднимать не могу. Вот чего не могу. — Тут Брыкин посмотрел на часы и сказал: — Идём, Миша, обедать.

КАК БРЫКИН ПОЧИНИЛ РУКУ

После обеда Брыкин сказал, что надо идти принимать больных.

— Каких больных? — сказал Миша. — Тут врач нужен. А вы ведь не врач.

— Врач, — сказал Брыкин. — Солдатский врач. Или, говоря проще, фельдшер. Как кто заболел — сразу ко мне, в санчасть.

Миша даже споткнулся от такой новости.

— Вот это да! — сказал Миша. — Вы и солдат, вы и фельдшер!

Такого от Брыкина, честно говоря, Миша никак не ожидал.

Не успели они прийти в санчасть, как Миша увидел в окно двух солдат, которые шли к санчасти, и один солдат поддерживал другого.

«Уже ранили кого-то, — испуганно подумал Миша. — К Брыкину ведут...»

И только хотел позвать Брыкина, как здоровый солдат сам позвал:

— Эй, Брыкин!

И Миша узнал солдат: это один рыжий брат привёл своего раненого рыжего брата.

«Эх, — огорчённо подумал Миша, — говорил я Брыкину: нельзя лазать по стене, где нет ручек...»

— Что случилось, ребята? — высунулся из окна Брыкин.

— Ох, Брыкин, — только и сказал раненый.

— С рукой у него что-то, — пояснил второй брат. — На полосе, понимаешь, гранату кинул, а после обеда с рукой у него что-то случилось...

— Проходите сюда, — сказал Брыкин.

Он поправил халат, вымыл руки и насухо вытер их полотенцем.

— Так что у тебя? — спросил Брыкин, осторожно щупая руку.

— Ох, Бррыкин, — снова сказал раненый.

— А ты не рычи, — посоветовал ласково Брыкин. — Не очень-то мы твоего рычания испугались. Верно я говорю, Миша?

«Верно», — хотел сказать Миша, но тут Брыкин как дёрнет руку.

— Ой, ма! — сказал солдат.

Мише показалось, что Брыкин оторвал руку. И солдату, видно, тоже показалось.

— Что же ты, Брыкин, делаешь? — чуть не плача, спросил он.

— А уже ничего, — сказал Брыкин.

Раненый недоверчиво пощупал руку. Рука шевелилась.

— Ох, Брыкин, — сказал он. — Уж не думал, что будет шевелиться.

— Зашевелится, — строго сказал Брыкин.

Тогда второй брат сказал:

— Ты ещё дёрни. Чтоб наверняка было.

— Нет-нет, — сказал бывший раненый. — Достаточно. Спасибо, Брыкин.

Брыкин засмеялся, второй брат тоже, и братья пошли.

— А полосу препятствий они пробежали? — спросил Миша Брыкина.

— Ты у них узнай, — сказал Брыкин. — Пока они не ушли.

Миша побежал за братьями, догнал их и спросил:

— А полосу препятствий вы пробежали?

— Пробежали, — сказал один брат.

— И нигде не запутались?

— Не запутались, — сказал другой брат.

— И в воду не упали?

— Не упали, — сказал первый брат.

— А рука работает? — спросил Миша.

Бывший раненый попробовал:

— Работает!

— В любую сторону?

— В любую!

И тогда Миша с удовольствием спросил:

— Это ведь Брыкин вправил?

— Он, — сказал солдат и покрутил рукой перед самым Мишиным носом. — Чуешь, какая работа!

Миша вернулся в санчасть, прошёлся несколько раз мимо Брыкина, который писал что-то в толстой тетради, а потом остановился и сказал:

— А полосу препятствий они пробежали...

— Вот видишь, — сказал Брыкин. — А ты сомневался... Тогда Миша ещё немного прошёлся и сказал:

— И рука работает...

— А в этом я не сомневался...

Тогда Миша опять прошёлся и сказал:

— Вы, Брыкин, конечно, не такой сильный, но вы, Брыкин, тоже сильный...

— Да, — удивился Брыкин. — Это ты верно сказал.

Тут Миша заметил на столе фотографию и спросил:

— Это кто?

— Сын, — сказал Брыкин.

— Ваш сын? А где он? — удивился Миша.

— Дома, — сказал Брыкин.

— А вы почему здесь? — ещё больше удивился Миша. — Или вы живёте тут близко?

— Нет, — сказал Брыкин. — Я живу там, далеко...

— А кто же ходит с ним в зоопарк? — спросил тогда Миша.

— Мама, наверно, — сказал Брыкин.

— И он с тех пор не спит?

— Почему не спит? — встревожился Брыкин. — Он всегда хорошо спит.

— А как вы уехали. Я, например, всегда не сплю, если папы нет дома... — Тут Миша подозрительно посмотрел на Брыкина и сказал: — А может, вы нарочно уехали?

— Стал бы я от него нарочно уезжать, — сказал Брыкин. — В армию меня призвали, вот я и уехал.

— А вы отпроситесь, Брыкин, — сказал Миша. — Отпроситесь. Скажите, что вам к ребёнку надо. Вас и отпустят. А хотите, я папе скажу.

— Нет, — сказал Брыкин, — говорить ничего не надо. У каждого солдата есть кто-нибудь дома. И если всех отпустят, кто же тогда будет охранять знамя?

Миша подумал-подумал:

— Правда, некому...

И вздохнул.

ПУШКИ ВЫПОЛЗАЮТ НА ПЛОЩАДЬ

По дороге к пушкам встретили они Мишиного папу. Мишин папа сказал:

— Я вас ищущу-ищущу...

— А мы никуда не терялись, — сказал Миша. — Можешь спросить у Брыкина.

— Очень хорошо, — сказал папа. — Тебе надо ехать домой!

— Почему домой? — сразу заныл Миша. — Я пушек не видел!

Но папа сказал:

— Домой.

И едва папа это сказал, как затрубила труба и из домиков стали выбегать солдаты. Миша и не думал, что в таких маленьких домиках спрятано столько солдат.

— Что случилось? — спросил Миша.

— Тревога, — сказал папа.

— Какая тревога?

— Учебная.

Миша посмотрел на Брыкина, но Брыкина на прежнем месте уже не было. Брыкин во весь дух убежал к себе в санчасть.

— Ты куда, Брыкин? — закричал Миша. — Ты куда?

— Что ты кричишь? — сказал папа.

Миша хотел объяснить, но тут раздался такой лязг и грохот, что задрожала от этого грохота земля и Мишины щёки, и Миша поскорее вцепился в папину руку.

«Что это?» — хотел спросить Миша.

И увидел сам:

здоровенные пушки, прекрасные пушки неизвестно откуда выползли на площадь, их тащили огромные тягачи, тягачи были похожи на танки, а пушки — одна на одну.

«Р-р-р-р», — хрипели тягачи.

«Ур-р-р», — урчали моторы.

«Да куда же это всё прятали?» — сам себя спросил Миша.

В это время из знакомого домика вынесли какую-то длинную штуку, завернутую в чехол. Нёс её Мишин знакомый Лёша.

«Знамя», — догадался Миша.

Чехол был зелёным.

Тягачи были зелёными.

Пушки были зелёными.

Солдаты были во всём зелёном.

«Защитный цвет», — вспомнил Миша.

Открылись огромные ворота в заборе, и поползли туда пушки, а за пушками — солдаты на машинах, а за солдатами — полевые кухни, а за ними — ещё машины. Зачем они — Миша не знал.

Миша дёрнул папу за руку и крикнул:

— Брыкин где?

— А? Что? — тоже крикнул папа.

— Брыкин!

Но папа только показал на свои уши: не слышу, мол.

И тут Миша сам увидел Брыкина.

Брыкин в каске.

Брыкин с автоматом.

Брыкин с санитарной сумкой на боку садился в машину.

— Брыкин! — закричал ему Миша. — Брыкин!!!

Да разве услышишь, когда такой шум?

— Папа, — жалким голосом заныл Миша, — папа, покричи Брыкина... Мне надо ему сказать...

— Что? А? — спросил папа.

— Брыкина! — крикнул Миша.

Но было поздно: машина, в которую сел Брыкин, поехала.

И когда скрылась за воротами последняя пушка, на площади наступила такая тишина, что Миша даже поковырял в ухе.

— Что ты хотел сказать? — громко сказал папа, всё ещё думая, что на площади не тишина.

— Про Брыкина, — тоже громко сказал Миша и опять поковырял в ухе.

— Ты мне скажи. Я ему передам.

А Миша и сам не знал, что хотел сказать Брыкину.
«Спасибо» — наверное, за то, что ходил с ним Брыкин целый день.
«До свиданья» — наверное, потому, что неизвестно, когда они ещё увидятся.
«Привет вашему сыну» — который находится где-то дома, и Миша не знает даже где.
И ещё многое хотел он сказать Брыкину.
Да разве скажешь всё?

ДОМА

Дома, во дворе, Мишу окружили ребята. Все уже знали, что Миша ходил к солдатам.
— Ну что? Ну как? — спрашивали все.
— А так, — сказал Миша. — Солдаты все разные, а пушки — одинаковые. А на знамени — дырки от пуль.
— Ну? — удивились ребята.
— А ещё там у них есть собака Гашетка, и она чистит пуговицы.
— Врёшь! — не поверили ребята.
Но Миша и сам знал, что никто не поверит.
Вечером приехал Мишин папа и удивился, что Миша не играет в свои солдатки.
Солдатки лежат в коробках: пушкари к пушкарям, пехотинцы к пехотинцам, моряки к морякам.
— Ты что делаешь? — спросил папа.
— Думаю, — сказал Миша.
— Ага, может, ты тогда надумал, кем хочешь быть: артиллеристом или моряком?
— Брыкиным я хочу быть, — сказал Миша.
— Кем-кем?
— Брыкиным.
Папа озадаченно посмотрел на Мишу, а потом подумал: «Хм... Надо будет получше приглядеться к этому Брыкину...»
Но Мише-то папа ничего не сказал.
Мише папа только улыбнулся.

Жили-были солдаты. Рассказ

КАК МЫ ДРУГ ДРУГА ЗВАЛИ

Когда я служил в армии, были у нас солдаты с самыми удивительными и прекрасными фамилиями.
Например: Володя Московский.
Мы его звали:
— Эй, Москва!
И Володе, конечно, было очень приятно.
Был Храбров — человек с очень солдатской фамилией, ведь известно: все солдаты — храбрые люди.
И даже был Нахимов — мы его звали Адмирал, в честь знаменитого флотоводца адмирала Нахимова. И хотя нашему Нахимову следовало служить, конечно же, среди моряков, его почему-то направили к нам, в пехоту.
Были в армии и другие замечательные люди.
И был Ваня Дудкин.
— Дудкин.
— Дудочкин.

— Дударь, — звали мы его.

И думали, что это очень остроумно. А на самом деле это было совсем не остроумно. Потому что есть люди с ещё более смешными фамилиями, и это очень хорошие и прекрасные люди.

Но мы служили в армии первый год и ещё не знали этого.

Ни Дудкин, ни Московский, ни Нахимов, ни Храбров, ни я.

А когда узнали — перестали дразниться и подружались.

Потому что в армии без дружбы никак нельзя.

МЫ МЕНЯЕМ СТАРШИНУ

И только со старшиной нам не повезло.

И на фронте он не был.

И орденов у него не было.

И никаких военных историй из своей жизни он рассказать не мог.

— Нет, — говорил Нахимов, — плохой у нас старшина.

И с грустью разглядывал свою матросскую тельняшку, которую ему старшина не разрешал носить.

А потом и Московский сказал, что плохой у нас старшина.

Московскому старшина ночью играть на гитаре не позволил.

А потом и мы с Храбровым одновременно поняли, что да, плохой у нас старшина. Это когда мы с Храбровым забыли оружие почистить и он про нас в стенгазету написал: нельзя, мол, им с Храбровым оружие доверять.

А какие же мы с Храбровым солдаты без оружия?

Только Ваня Дудкин говорил, что старшина у нас неплохой.

Конечно, у Вани ни гитары, ни тельняшки нет и оружие он всегда чистит. Вот для него старшина и неплохой.

Однажды уехал наш старшина в командировку, и мы пошли в штаб просить, чтоб дали нам другого старшину.

Удивились в штабе.

— А ваш, — говорят, — чем вам не нравится?

— А не сразу его и заметишь. Других старшин за километр видно, а нашего — нет.

— И орденов у него нету, — добавил Нахимов. — И тельняшку некоторым не разрешает носить.

Ловко это он про тельняшку вставил.

Тогда и мы сказали:

— И в стенгазете некоторых незаслуженно просмеивает. И на гитаре учиться играть не даёт.

— Это все недостатки или ещё есть? — спрашивают в штабе.

— Все, — говорим.

— Ладно, дадим вам другого старшину. А сейчас — отдыхайте. Идите в клуб телевизор смотреть, там сейчас спортивная передача будет.

Пошли мы в клуб. Адмирал говорит:

— Вот как всё хорошо получилось. Дадут нам другого старшину. Боевого. Заметного. Знаете, какие старшины на флоте? Во!

Входим мы в клуб, а там около телевизора уже много народу. И все бокс смотрят.

Мы тоже садимся. Смотрим.

Вдруг — что такое?! На экране появляется наш старшина! Проходит в угол ринга и ждёт начала боя.

Диктор представляет зрителям бывшего нашего старшину:

— В синем углу ринга — мастер спорта, чемпион Вооружённых Сил СССР старшина

Елисеев. Мастер спорта Елисеев провёл на ринге сто боёв и все сто выиграл...

С ума сойти от такой неожиданности можно!

Смотрим мы друг на друга, а Дудкин шепчет:

— Говорил вам: не меняйте нашего старшину... так нет, поменяли!

А соседние солдаты говорят:

— Ну и повезло же вам! Какой знаменитый у вас старшина!

Мы говорим:

— Да... повезло...

А сами думаем: что же теперь делать?

А бой на ринге между тем кончился, подходит к нашему старшине какой-то дядька с микрофоном и просит, чтобы бывший наш старшина сказал в микрофон несколько слов.

Старшина говорит:

— Ну, выиграл я бой. Второй раз стал чемпионом. Спасибо моему тренеру. А приветы передать можно?

Дядька говорит:

— Вам, товарищ чемпион, всё можно.

— Тогда, — говорит старшина, — свой первый привет я посылаю маме. В город Северодвинск. Второй — моим товарищам по оружию, которые вместе со мной служат за Полярным кругом. И в особенности — ребятам из моего взвода: Московскому, Дудкину, Нахимову, Храброву и другим. Надеюсь, скоро они станут настоящими солдатами.

— Спасибо, — за себя и за нас говорит дядька.

И на этом передача заканчивается.

Зажигается в клубе свет.

Все смотрят на нас. А мы сидим, как на именинах.

Дудкин говорит:

— Что сидите? Скорее побежали в штаб! Иначе поздно будет!

Срываемся мы с места.

Бежим в штаб.

Прибегаем:

— Передумали! Не надо нам другого старшину. Нам наш нравится.

— Уже нравится? — будто бы удивляются в штабе. — Но ведь у него орденов нету.

— Пусть, — говорим мы.

— И в стенгазету он про вас пишет.

— Это ничего, — говорим мы.

— И тельняшку некоторым носить не разрешает, и на гитаре по ночам играть не даёт...

— Так зачем же по ночам на гитаре играть? — говорим мы.

— Ну ладно. Пусть ваш старшина у вас остаётся.

Успокоились мы.

Вышли из штаба.

Дудкин говорит:

— А всё-таки молодец у нас старшина. Строгий, но молодец. Привет нам передал. Хочет, чтоб были мы настоящими солдатами. А мы на него обижаемся. Лично я на него никогда обижаться не буду.

— И я не буду, — сказал Нахимов.

— И я, — сказал Храбров.

— А ведь хотели поменять! — говорю я.

— Мало ли, что хотели, — отрубил Московский. — Важно, что теперь мы хотим.

Так никогда и не узнал старшина, как хотели мы его однажды поменять.

Стыдно говорить было.

БУТЕРБРОД

Часто во время завтрака, обеда или ужина устраивали нам учебные тревоги.

Только сядешь есть — тревога.

И бежишь тогда скорее из столовой к пирамиде с оружием, садишься в машину, и везут тебя к месту учебного боя.

Тревога — это, конечно, интересно, но скучали мы по оставленному супу и по вкусному запаху несъеденных котлет.

И тогда некоторые стали делать так: немедленно съедали сахар и котлеты — и уже спокойно ждали тревогу.

А тревоги нет.

И приходилось им есть суп без хлеба, чай — без сахара, кашу — без котлет.

Хитро придумано, да тревога, оказывается, ещё хитрее.

И вот однажды приходим мы в столовую, смотрим — Ваня Дудкин начинает со своим хлебом какие-то странные штуки делать: выковыривает в одном куске ямку и кладёт туда котлету, выковыривает в другом куске три ямки и кладёт туда квадратик масла и два кусочка сахара, складывает оба куска хлеба вместе — и получается странный такой бутерброд.

Только мы хотели спросить: «Ваня, а что это ты делаешь?» — как заиграли тревогу.

Бросили мы ложки-вилки — помчались из столовой.

Садимся в машины.

Едем.

Вдруг видим, вынимает Ваня из кармана свой странный бутерброд и говорит:

— Кто хочет есть?

А что тут спрашивать: все хотят.

Съели мы все вместе Ванин кусок хлеба с котлетой, потом — Ванин кусок хлеба с маслом и сахаром, а потом Володя Московский и говорит:

— Ты прости меня, Ваня, но я должен тебе прямо сказать: ты — великий человек!

— Изобретатель, — уточняет энергичный Нахимов. —

Десантникам такого никогда не изобрести. Только пехоте и — морякам.

Хвалим мы, а Ваня улыбается. Доволен, что изобрёл бутерброд, который, в случае тревоги, сможет помочь всем.

СМЕЛЫЕ ЛЮДИ — ПЕХОТА

А теперь надо сказать, почему Нахимов упомянул про десантников. Жили мы в это время в летних солдатских лагерях, которые с пионерскими лагерями ничего общего не имеют. В солдатских проходят военную науку: учатся стрелять, ходить в атаки, ползать по-пластунски, рыть траншеи, петь песни, резать колючую проволоку штыком или специальными ножницами и ещё много чему — важному и полезному.

Кроме нас, пехотинцев, жили в лагере самые разные солдаты: артиллеристы, десантники, разведчики, танкисты, сапёры — почти все, кроме моряков.

Потому что морякам нужно море, а нам море не нужно.

Особенно уважали у нас, конечно, десантников. Что говорить — смелые люди: в любую погоду, днём или ночью, летом или зимой готовы они были прыгать на своих парашютах в тыл врага, и плохо тогда пришлось бы врагу.

И хотя никаких врагов у нас в лагере не было, десантники всё равно собой очень гордились. Однажды встречаем мы десантников, они идут из столовой, и хотя идут из обыкновенной столовой, им всё равно кажется, будто выполняли они ужасно ответственное и секретное задание. Им это кажется, и они задаются:

— Как живёте, пехота?

Мы говорим:

— Ничего живём. А вы?

— Прекрасно, — отвечают десантники.

И снова спрашивают:

— А смелые среди вас есть?

Мы говорим:

— У нас все смелые.

Тут десантники начинают хихикать и подталкивать друг друга локтями:

— Ну, смелые, а кто из вас с парашютом прыгнет?

Вот, оказывается, чего придумали. А нам прыгать ужасно не хочется: и устали, и боязно.

Тогда десантники говорят:

— Вот вы, оказывается, какие смелые люди, пехота!

Тут говорит Храбров:

— Я прыгну.

Обрадовались мы, конечно, что нашёлся среди нас один смелый, и говорим десанникам:

— Что, съели?

А потом — Храброву:

— Молодец, Храбров!

И все идём к парашютной вышке. А она здоровая, может, с десяти-, а может, с двадцатипятиэтажный дом. Даже смотреть на неё страшно.

Помогли десантники Храброву забраться на вышку, прицепили к нему парашют. Стоит наш Храбров — маленький-маленький и совершенно один.

— Не бойся, Коля! — кричим мы ему снизу.

А он нас, наверное, и не слышит: такая жуткая высота.

И — прыгает.

Подбегаем мы к нему. Спрашиваем:

— Жив, Коля?

— Жив, — говорит. — Чего мне сделается?

С тех пор десантники нас не задирали. А встречая Храброва, разговаривали с ним так, словно это он был десанником, а они, десантники, — пехотинцами.

ГРАНАТА

Однажды учились мы правильно метать гранату.

Метнул Володя Московский — далеко улетела граната.

Старшина говорит:

— Хорошо!

Метнул гранату Храбров — ещё дальше улетела его граната.

Старшина опять говорит:

— Хорошо!

Храбров и Московский ходят друг перед другом — мускулы свои показывают.

А мускулы у них действительно ничего.

Выходит метать гранату Дудкин.

Старшина ему говорит:

— Замах, замах неправильно делаешь! Дай я тебе покажу.

И показывает: делает совершенно правильный замах, и граната летит далеко-далеко.

— Не умею я так, товарищ старшина, — тихо говорит Ваня. — Я лучше без замаха.

Надоело старшине спорить, он и говорит:

— Ладно, кидай без замаха. Сам увидишь, как нужен правильный замах. Граната и десяти метров не пролетит — упадёт.

Ну, Дудкин разбегается — кидает.

Летит граната, летит и всё не падает. И упала ли вообще — этого мы так и не заметили. Часа полтора искали мы гранату.

Всё кругом облазили.

Ваня извиняется: не нарочно, мол, так далеко кинул.

А старшина сердится:

— Как же ты её без замаха так далеко кинул? Не по правилам это!

Неловко Ване: и гранаты нет, и не по правилам кинул.

МАМИНА МЯСОРУБКА

Уехала однажды наша дивизия на учения, а наша рота осталась. И не потому, что мы плохо себя вели — просто надо было кому-то в лагере оставаться: нести караульную службу, ходить в наряды, пилить и колоть для кухни дрова.

И вот приходит вечером наш старшина и говорит:

— Заступаем в наряд на кухню. Завтра дивизия с учений возвращается. Надо идти картошку чистить.

Надо так надо.

Пришли мы на кухню. Высыпали в картофелечистку два ящика картошки, нажали кнопку, а картофелечистка не работает.

Повар так и ахнул: возвращается дивизия, а есть ей чего?

Тут говорит Володя Московский:

— Разрешите, я попробую, товарищ старшина. Я дома маме всегда мясорубку чинил.

Повар говорит:

— Пробуй, голубчик, пробуй. Не починим к ночи — придётся утром дивизию макаронами кормить. А макароны ни в какое сравнение с картошкой не идут. Питательности в них меньше.

Принёс повар гаечные ключи, отвёртку, кувалду, принялись они с Володей картофелечистку чинить. Володя сильный, он самые тяжёлые части вытаскивает, повар послабее — гайками и шурупчиками занимается. И очень скоро от картофелечистки остался один корпус. А корпус, и на глаз видно, в порядке.

Осмотрел Володя каждую значительную и незначительную деталь, потрогал руками, постучал отвёрткой, крутнул раза два гаечным ключом, дунул, потёр о колено, посмотрел на свет, колупнул пальцем и говорит:

— Собирать можно.

— Уже? — не поверил повар.

Собрали они картофелечистку, воткнули вилку в штепсель — загудела картофелечистка, заработала! Стала из неё круглая да гладкая картошка выскакивать. Она выскакивает, а мы её — в котёл.

Повар говорит:

— Золотые у тебя, Володя, руки. Утром дивизия приедет и знаешь как твоей картошкой будет довольна?

И точно: утром приехала дивизия и была картошкой очень довольна.

А вечером старшина объявил Володе благодарность.

— Как вы думаете, за что объявляют сегодня Московскому благодарность? — спросил старшина.

— За смекалку и находчивость, — сказали мы.

— За мясорубку, — сказал старшина, — за мамину мясорубку, которую Московский всегда чинил дома. Без маминой мясорубки ему армейскую картофелечистку никогда бы не починить. Верно я говорю?

— Верно, — улыбнувшись, сказал Володя.

ВЗРЫВ-ПАКЕТ

Однажды послали Володю Московского, Ваню Дудкина и Адмирала Нахимова в разведку. Предстоял бой, и надо было с помощью разведки взять из соседней дивизии «языка» в плен, а у этого «языка» узнать, что его дивизия собирается делать.

Ползут Московский и Дудкин к дороге, а Нахимов залёг в кустах — охранять товарищей с тыла.

Кругом тихо. На дороге ни души.

— Просидим мы здесь, — говорит Московский, — ни одного «языка» не поймаем. Идём к другой дороге.

— Нет, — говорит Дудкин. — Эта дорога хорошая. Сейчас по ней обязательно кто-нибудь пойдёт.

Только он так сказал, как слышат, кто-то совсем рядом замычал. Не то большая коза, не то маленький телёнок. Обернулись Дудкин с Московским, видят — со всех сторон бегут к ним противники и радостно кричат:

— Сдавайтесь!

А Нахимов уже лежит связанный и только ногами шевелит, а во рту у него пилотка. Значит, это он мычал.

— Тикаем! — говорит Московский.

— Куда? — говорит Ваня. — Некуда. Да и не по правилам это. Они нас первыми заметили.

А противники из соседней дивизии уже совсем близко:

— Сдавайтесь!

И опять:

— Сдавайтесь!

Тут Ваня вытаскивает вдруг из кармана взрыв-пакет, кричит:

— Советские пехотинцы не сдаются!

И бросает взрыв-пакет себе под ноги.

Тут взрыв, дым и голос Володи Московского:

— Не сдаются!

И новый взрыв-дым. Это Володя свой пакет себе под ноги бросил.

Дым уполз.

Враги стоят бледные, смотрят на Володю и Ваню и говорят:

— Вы что, с ума сошли? Что же вы наделали? Всю шинель спалили, и сапоги теперь без подмётки.

И правда: подмётки нет, шинель вся в дыму и в подпалинах.

Тут Нахимову удаётся выплюнуть пилотку, и он кричит:

— У нас в дивизии все такие отчаянные!

Ненастоящие враги говорят:

— Верно, у них все такие отчаянные. Только тот в кустах немного сплоховал.

И не стали брать никого в плен.

Вечером командир взвода очень хвалил Володю Московского и Ваню Дудкина за решительность и даже сказал, что совершили они настоящий подвиг. А Нахимова ругал. Зато старшина, который тоже ругал Нахимова, сердился на Володю Московского и Ваню Дудкина.

— Что же вы, взрыв-пакет не могли поаккуратней кинуть?

Уж очень старшине было обидно, что спалили они совершенно новенькие ещё шинели и совершенно целые сапоги.

Но что такое шинель и сапоги в сравнении с подвигом?

Ничего.

АТАКА

За две минуты до начала атаки ранило наших сержантов, командиров и старшину.

Если говорить честно, то их вовсе и не ранило — каждый из них был цел и невредим. Просто всем захотелось проверить, как мы будем без наших командиров и как пойдём в атаку без них.

Вот и сказали, что ранило.

В таких случаях кто-то из солдат должен брать командование на себя — становится на время настоящим командиром. И все должны подчиняться ему, как самому настоящему командиру.

Знаем мы это, а боязно назваться командиром. Солдат ведь отвечает только за себя, а командир — за всех. А это, как вы понимаете, гораздо сложнее.

Смотрим мы на часы.

Полминуты остаётся до атаки.

Двадцать секунд.

Десять.

А никто не говорит: «Ребята, я буду командиром!»

Если бы атака началась чуточку позже, я бы, наверно, это сказал. Потому что в атаке без командира нельзя. Но тут взвилась красная ракета, и я не успел ничего сказать.

Кто-то сказал за меня:

— Взвод, вперёд!

И мы поняли: есть командир. Да такой, будто всю жизнь взводами командовал.

Выскочили мы из траншеи, побежали за нашим новым командиром. Потому что смелого человека всегда охотно слушаются.

Бежим, автоматы наперевес держим, кричим «ура», а противник из всех пулемётов строчит.

И всё-таки пришлось противнику отступить, потому что не выдержал он нашей атаки.

И тут выяснилось, кто был нашим временным командиром: Володя Московский.

Вот, оказывается, какой молодец.

Вечером построил нас настоящий командир взвода и говорит:

— Товарищи солдаты, вот перед вами молодой боец рядовой Московский. Все вы хорошо знаете. А сегодня он заменил в бою командира, проявив при этом необходимую солдату быстроту и решительность. Просто приятно об этом говорить. А помните, каким пришёл в армию Московский?

Мы говорим:

— Помним. Без быстроты и решительности.

— То-то, — говорит командир взвода. — Объявляю ему благодарность. А вам предоставлю возможность отличиться в следующем бою.

— А если вас в следующем бою не ранят? — говорит Дудкин.

— Ранят, — говорит командир. — За шесть лет меня уже раз двадцать ранили, живого места на мне нет. Так что ранят и в следующем бою.

И хотя он говорил об этом очень весело, не легко быть командиром, подумали мы. Даже если тебя двадцать раз понарошку ранили, всё равно обидно: сам бы с удовольствием повёл взвод в атаку, так нет — надо учить других!

КАК ТРУДНО ХОДИТЬ В УВОЛЬНЕНИЕ

После боя, когда командиры вынесли особо отличившимся солдатам благодарности, генерал сказал, что двоим лучшим из нашего взвода можно ещё сходить и в увольнение:

погулять в соседнем колхозе, отдохнуть, а может, даже зайти к кому-нибудь в гости.

Лучшими были все. Но нельзя же всех отпустить в гости — кто же тогда будет службу нести?

Одного кандидата в увольнение старшина нашёл сразу: Московский. В бою человек взял командование на себя и теперь может отдохнуть.

А вот второго выбрать было труднее. И тогда старшина стал вспоминать, кто где в чём провинился раньше, и вычёркивать таких, в прошлом виноватых, из списка. И очень скоро остались в списке всего трое: я, Нахимов и Храбров.

Мне старшина сказал сразу:

— Вас я вычёркиваю из списка. Вы уже однажды опоздали из увольнения.

— Я не буду больше опаздывать! — сказал я.

Но старшина только головой покачал: ведь за то, что человек обещает быть хорошим, в гости его ещё не посылают.

Остались двое: Нахимов и Храбров.

— Это что? — вдруг сказал старшина Нахимову и, ничего не объясняя, вычеркнул его из списка.

— Да в чём дело?! — спросил Адмирал.

— А вот в чём, — говорит старшина и обнаруживает у Нахимова под гимнастёркой матросскую тельняшку.

Всё ясно, вопросов нет: мы не моряки, нам тельняшка не положена. Старшина об этом много раз говорил. Адмирал тельняшку надел — значит, в гости не пойдёт.

Тут старшина стал к Храброву присматриваться, а Храбров говорит:

— Я всего один остался, товарищ старшина. А одного и надо. Неужели и меня вычёркивать будете?

Старшина смотрит — действительно: Храбров один остался. Ай-яй-яй, чуть и его не вычеркнул. Кто бы тогда в гости пошёл?

— Ладно, — говорит старшина, — идите. А то действительно ещё нечаянно вычеркну.

Вот как трудно ходить в армии в увольнение!

ДВЕ СЕСТРЫ

Только Московский и Храбров появились в соседнем колхозе, колхозные мальчишки окружили их и кричат:

— Солдаты идут! Солдаты идут!

Московский и Храбров говорят:

— Да, идём. Только ещё не придумали, к кому пойти.

Тогда мальчишки говорят:

— К нам идите, к нам!

Пошли Храбров и Московский в гости к мальчишкам, а их пятеро, мальчишек, было. И все братья. И ещё две сестры у них были. И отец-тракторист и мама-домохозяйка.

Все, кроме мальчишек, сидели дома и обедали.

— Садитесь, — говорят, — товарищи солдаты, с нами обедать.

Храбров и Московский, конечно, сели.

А после обеда началось самое смешное: мальчишки тянут Московского и Храброва с собой играть, а мальчишкины сёстры — с собой. Но мальчишки-то ведь первыми солдат увидели.

Храбров говорит сёстрам:

— Вы пока тут одни погуляйте, а мы немного поговорим с мальчишками и к вам придём.

— Ладно, — сказали сёстры. — Мы на стадионе будем.

Сделали Московский и Храбров мальчишкам парочку ракет, танк без башни, винтовку с дулом, провели боевые учения и пошли. А мальчишки сразу же начали спорить, кому из них,

из мальчишек, быть теперь командиром. Будто быть командиром — это очень легко!

Приходят Московский и Храбров на стадион, а там — соревнования. Поднимается на трибуну какой-то мужчина и громко говорит:

— Товарищи колхозники, товарищи спортсмены, на наш праздник прибыли воины из соседней дивизии. Поприветствуем их и попросим занять места на гостевой трибуне!

Все начинают приветствовать, и Храбров с Московским тоже, но тут к ним подбегают две пионерки и вручают цветы. А мужчина говорит:

— Дорогие гости, займите места!

— Что же это? — говорит Московский. — Выходит, мы самих себя приветствовали? — И обращается к сёстрам: — Эго вы, что ли, нам устроили?

Сёстры радостно говорят:

— Мы.

Храбров говорит:

— Ну и радуйтесь. Сядем мы сейчас на трибуну и с вами погулять не успеем.

Сёстры говорят:

— Ой!

А что теперь-то ойкать?

Прошли Храбров и Московский на трибуну, пожали всем руки, дали старт марафонцам, а председатель колхоза говорит:

— Пока бегают марафонцы и соревнуются легкоатлеты, расскажите, пожалуйста, нашим колхозным болельщикам о современном положении в армии.

Храбров говорит:

— Не можем. Потому что — секретно.

— А вы — что не секретно, — говорит председатель и объявляет: — Товарищи колхозники, сейчас перед вами выступит рядовой...

— Московский, — подсказывает быстро Храбров.

— ...Московский и сообщит интересные сведения о современном положении в нашей краснознамённой непобедимой армии!

«Что же мне рассказывать?» — думает Володя, но подходит к микрофону:

— Дорогие труженики села, разрешите мне от имени моего товарища и всей нашей дивизии передать горячий солдатский пламенный привет!

Все зааплодировали, и Володя стал говорить дальше.

Он рассказывал, какие ордена есть на знамени нашей дивизии, какой замечательный и геройский путь прошла она во время войны, рассказал о текущей международной обстановке и о последних учениях, в которых отличился наш взвод.

Только про себя не рассказал.

— Так что, — сказал Володя, — трудитесь спокойно, товарищи колхозники! Наша дивизия и другие дивизии, про которые я знаю, всегда стоят в боевой готовности.

Все снова зааплодировали Володе, и сёстры тоже, а Володя слез с трибуны и шепнул председателю колхоза:

— Товарищ председатель, у нас увольнение кончается. А мы ещё с сёстрами даже не поговорили...

Председатель говорит:

— Конечно! О чём разговор? Тётя Маша, награди воинов колхозным пирогом...

Храброву и Московскому вручили пирог, и они пошли к сёстрам.

Съели сёстры наградной пирог, и увольнение у Володи с Храбровым к этому моменту кончилось. Они говорят:

— Нам в дивизию пора. Мы к вам в гости в другой раз придём.

— Ладно, — говорят сёстры. — Ждать будем.

Отдали Храбров и Московский сёстрам честь и пошли.

Да, трудно в армии ходить в увольнение!

ПОДКОВА

Однажды мы с Храбровым и Нахимовым догоняли свой взвод. Нас посылали в соседнюю дивизию, и когда мы вернулись, оказалось, что наш взвод ушёл далеко — в деревню под названием Колотушки.

Пошли мы в Колотушки.

Идём, идём, видим — дорога наша разветвляется: одна тропинка от неё отходит, другая.

Ещё немного прошли — сразу четыре тропинки разбежались от нашей дороги в разные стороны. А главной дороги, по которой мы шли, нет. Кончилась уже. Превратилась в четыре маленькие самостоятельные тропинки.

Остановились мы, стали совещаться: по какой нам идти? Спросить-то ведь не у кого.

Энергичный Нахимов говорит:

— По этой надо идти.

Я говорю:

— Нет, по этой. На твоей даже следов нету.

Нахимов говорит:

— А на твоей есть?

Я говорю:

— Есть.

— Ну и радуйся. На двух других тоже есть. Интересно, по какой нам идти?

Смотрю — действительно: на двух других тропинках тоже следы есть — от тяжёлых солдатских сапог.

Нахимов говорит:

— Что будем делать, юнги?

А Храбров в нашем разговоре участия не принимает. Храбров прогуливается поочерёдно по всем четырём тропинкам и внимательно к ним приглядывается.

Рассердились мы, спрашиваем:

— А ты что, как на пляже, гуляешь? Думай, по какой тропинке нам идти.

Он отвечает:

— Я и так думаю. И даже знаю теперь — по какой. По этой, где я стою.

Смотрим мы на тропинку, потом — на Храброва.

Абсолютно ничем его тропинка не отличается.

А он говорит:

— Помните ту историю со взрыв-пакетами?

Как же не помнить — помним! Особенно — Адмирал.

— Так вот, — говорит Храбров. — Дудкин тогда свои сапоги и Володины починил сам. Ему ещё один знакомый кузнец прислал какие-то особые крепкие подковки...

Вспоминаем — действительно, прислал: тонкие, узкие — на весь каблук.

— Вот след от этих подковок, — говорит Храбров.

Смотрим — и правда: отпечатаны на пыльной дорожке подковы — тонкие, узкие, на весь каблук. Рядом четыре штуки — две Володины и две Ванины.

— Ура, Храбров! — говорим мы. И идём по этой тропинке. И попадаем прямо в деревню Колотушки.

Рассказали мы ребятам, как нашли их по подковкам. Смотрим — Дудкин и Московский хмурятся и отрывают свои чудесные подковки.

Нахимов говорит:

— Полундра! Что вы делаете? Зачем?

— А затем, — отвечают, — что разведчику-пехотинцу нельзя иметь никаких особых примет. Сегодня по нашим подковкам вы нас нашли, а завтра — какой-нибудь враг. Мы уж лучше прибьём обыкновенные подковки. Как у всех.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЧЕТВЕРТОМ ПОСТУ

Однажды случилось неприятное происшествие с Ваней Дудкиным на четвёртом посту.

Нельзя сказать, что это был самый важный и ответственный пост, — Ваня охранял подушки и валенки, которые лежали на складе, а также редиску, морковь и огурцы. И ещё — старенький фанерный истребитель, который неизвестно когда и почему попал на четвёртый пост и был по самые крылья врыт в землю.

Но пост есть пост.

Поставили — охраняй.

И Ваня охранял.

Сначала проверил, всё ли в порядке, хорошо ли растут на грядках огурцы, а потом стал рассматривать самолёт: латаные крылья, которые побывали не в одном воздушном бою, облупленные бока, красные звёздочки.

И стало Ване грустно за самолёт: стоит он, всеми забытый, на четвёртом посту, и окружают его валенки, морковь и редиска, и никогда не подняться ему в воздух, никогда не заберётся в его кабину боевой военной лётчик и не возьмётся за штурвал, никогда механик не будет готовить этот самолёт к боевому вылету...

А самолёт стоял и, даже врытый в землю, казался стремительным, будто лётчик с механиком на секунду отошли куда-то в сторону покурить.

И тут Ваня подумал: «Так и отслужу я в армии и не узнаю, что чувствует лётчик, когда сидит в кабине самолёта и держит штурвал. Махнуть бы на всё рукой, залезть в кабину, надвинуть поплотнее пилотку, чтоб ветром не сдуло, — и фьють!.. Помашу сначала крыльями над своим домом — мама выскочит на крыльцо, крикнет: «Куда ты,

Ваня?» — «Воевать, мама!» Пролечу на бреющем над всей деревней и — в бой. И ещё долго будут говорить все, как я прилетал на своём самолёте».

И вдруг Ваня и правда почувствовал себя настоящим лётчиком.

Легко, будто делал это всю жизнь, вскочил в кабину самолёта, дал газ, и вот уже несётся его верная машина в бой, а против неё — три фашистских истребителя. И сошёлся Ваня Дудкин с ними в неравном бою... Вот один фашист отвалил в сторону — дымит, чёрный шлейф за ним тянется... Вот другой... Вот третий... Выиграл этот неравный воздушный бой Иван Дудкин, и когда, счастливый, возвращался на базу, окликнул его начальник караула — наш лейтенант.

— Далеко ли собрались лететь, рядовой Дудкин?

Смотрит Ваня: сидит он в самолёте, самолёт по-прежнему врыт в землю, а около самолёта стоит лейтенант и осуждающе на Ваню смотрит.

Ваня говорит:

— Виноват, товарищ лейтенант! Больше этого никогда не повторится.

Но всё равно наказали Дудкина. И хотя нам всем тоже было бы интересно посидеть в боевом самолёте, понимали мы: нарушил Ваня свой долг, забыл о том, что он часовой, а не лётчик, и кто угодно мог пробраться на четвёртый пост, а Ваня ведь ничего-ничего не слышал.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЫ

Однажды вернулся я с военных занятий очень грустный. Заметил это Володя Московский и говорит:

— Наши футболисты опять вчера проиграли.

Этим он хотел меня насмешить. Но я всё равно сидел грустный.

Понял Володя, что не насмешит меня, и говорит:

— Ты что сегодня такой грустный!

— У моей мамы, — говорю я, — завтра день рождения. И мне очень хочется поговорить с ней по телефону. Давно я её голоса не слышал. Знаешь, какая у меня хорошая мама? Вернусь из армии — всегда буду её слушаться.

Вздыхнул Володя, видно, тоже свою маму вспомнил. Посоветовал мне не огорчаться и ушёл. И не знал я, что ушёл Володя искать Ваню Дудкина, Нахимова и Храброва, чтоб сообщить им, что у моей мамы день рождения, что я сижу грустный и очень хочу своей маме позвонить.

— Пусть звонит, — сразу сказали Дудкин и Храбров. — Телефона, что ли, жалко?

— Не жалко, — говорит Володя, — но ведь у нас — военный телефон. Вдруг по нему кто-нибудь нашему генералу будет звонить? В штаб. Тогда что? Военный телефон невоенными делами занят?

Действительно, неловко получается: военный телефон — и невоенными делами занят. Надо идти к старшине.

— Разрешите обратиться, — говорит Нахимов.

— Обращайтесь, — говорит старшина.

Володя с Ваней ему всю историю рассказывают, а Нахимов говорит:

— Да, так оно и есть.

Выслушал старшина. Говорит:

— Сделать я для вас ничего не могу. Сами знаете: военный телефон есть военный телефон. Посторонними делами на нём заниматься не положено.

— Разрешите идти? — говорит Адмирал.

— Идите, — говорит старшина.

И всё: раз не положено — значит, не положено.

Идут Храбров, Нахимов, Дудкин и Московский в казарму, а старшина надевает пилотку и отправляется к командиру взвода.

Говорит: так, мол, и так, скучает один солдат, хочет поговорить с мамой.

Покачал головой командир взвода:

— Вряд ли что-нибудь я смогу сделать. Военный телефон — это военный телефон. Не может он невоенными делами быть занят.

Но снимает трубку военного телефона и говорит:

— Товарищ генерал? Разрешите обратиться по личному вопросу.

— По личному? — говорит генерал. — Обращайтесь.

— Завтра у мамы одного моего солдата день рождения, — говорит лейтенант. — И вот солдату хочется позвонить своей маме и поздравить её. Но не может же он, товарищ генерал, звонить по военному телефону?

Генерал говорит:

— Не может. Военный телефон — это военный телефон, для военных разговоров. А где его мама живёт?

— В Ленинграде, — говорит лейтенант.

Помолчал генерал, потом посоветовался с кем-то и говорит:

— Я тут посоветовался с начальником штаба, и он тоже считает, что разговор с мамой можно приравнять к военному разговору. Поэтому приказываю: завтра в семнадцать ноль-ноль явиться солдату в штаб для разговора с мамой. Вопросы есть, лейтенант?

— Никак нет, — говорит лейтенант и вешает трубку.

И назавтра я разговариваю с мамой.

Спрашиваю её, как она себя чувствует, и передаю приветы от Дудкина, Храброва, Московского и Нахимова, поздравляю с днём рождения и говорю, что немножечко соскучился без неё; попутно сообщаю, чтоб она не тревожилась, потому что если я и мои товарищи в армии, значит, мама может быть спокойна: ничего такого с нашей страной не случится.

И хотя я разговариваю со своей мамой — голоса её я не слышу. И она моего голоса не

слышит, потому что кроме меня и мамы в нашем разговоре участвуют ещё двенадцать человек — двенадцать незнакомых мне военных телефонистов. Они сидят на двенадцати разных телефонных станциях и поддерживают наш с мамой разговор.

Поэтому-то мама вначале, заслышав в телефонной трубке незнакомый голос, не могла поверить, что это я — её сын.

— Она не верит, что ты — её сын, — сказали мне телефонисты.

И тогда я сказал:

— Объясните ей всё за меня.

И военные телефонисты объяснили моей маме, какая плохая у нас на Севере слышимость, сколько их, телефонистов, поддерживают наш с мамой разговор и передают слова, которые мы с мамой говорим друг другу, и что мама не должна удивляться, заслышав чужой голос.

Тут мама всё наконец поняла и обрадовалась, и немедленно попросила передать привет мне и всем двенадцати незнакомым телефонистам, а также Дудкину, Храброву, Московскому и Нахимову, нашему старшине, лейтенанту и генералу, которые все вместе устроили этот разговор.

А потом мы снова начали разговаривать с мамой и разговаривали, пока не истекло наше время.

А когда время истекло, я повесил трубку и сказал всем, кто находился в штабе:

— Спасибо.

АДМИРАЛ

А вскоре от нас уехал Адмирал.

Получилось это так.

Ранней зимой во время учений провалились под лёд два связиста. Река была широкая, лёд очень тонкий, и плохо пришлось бы связистам, да увидел их наш Адмирал.

Скинул шинель, гимнастёрку, сапоги, крикнул поморскому:

— Полундра!

И прямо в тельняшке бросился в воду.

И даже не подумал, что опять его накажут за эту тельняшку.

Вытащил Нахимов обоих связистов, а тут все подбежали: и врачи, и солдаты, и — неизвестно откуда — наш генерал.

«Ну, — думаем, — сейчас он даст Нахимову за тельняшку!»

И точно. Вызывают на следующий день Нахимова в штаб.

Генерал говорит:

— Это ты у меня в моряки просился?

Нахимов говорит:

— Я. И фамилия у меня такая, и брат у меня моряк.

— Значит, — говорит генерал, — без моря никак не можешь?

— Не могу, — говорит Адмирал.

— Всё-таки ты подумай. Смелые люди не только на море нужны.

И не стал наказывать Нахимова за тельняшку.

А через месяц вызывают Нахимова в штаб, прибегает он оттуда сияющий и трясёт какой-то бумагой.

— Во! — говорит. — На флот уйду! Сначала — в морское училище, а потом — на флот. Поддайте пару, юнги!

И точно: ушёл. Провожали его, а он всё рассказывал:

— Теперь не скрывая буду носить тельняшку. Эсминец себе подходящий подберу. Резвый. Ходкий. Спасибо связистам, спасибо генералу!

Так ушёл на флот Адмирал Нахимов. Потому что человеку с такой фамилией флот был

просто необходим.

КТО КЕМ БУДЕТ

Проводили мы Нахимова, сели у казармы — обыкновенной деревянной казармы, которая за два года службы стала нашим временным домом, и впервые подумали: кто кем будет после армии?

Нахимов, это ясно, — моряком, навсегда моряком, на всю жизнь.

А мы?

— Я, — говорит Храбров, — стану охотником. Медведя и куницу буду стрелять. Или работать в каком-нибудь большом зверосовхозе.

— А я, — говорю я, — ещё не знаю, кем буду. Может, инженером, а может, нет. А ты, — спрашиваю Дудкина, — кем будешь?

Подумал Ваня и говорит:

— Сначала я у себя в деревне маме новый дом построю, а потом буду трактористом.

— Як тебе в гости приеду, — говорит Московский. — Привезу персики. Потому что я обязательно буду фрукты выращивать. Вы любите персики?

— Очень, — сказали мы.

Тут говорю я:

— А давайте ровно через шесть лет проверим, кто кем стал. Встретимся все в Ленинграде и проверим.

— Хитрый какой, — говорит Московский. — Сам живёт в Ленинграде и хочет, чтоб все приехали к нему в Ленинград. А впрочем, я согласен. Я в Ленинграде никогда не был.

Так мы договорились встретиться через шесть лет.

КТО КЕМ СТАЛ

И вот через шесть лет мы встретились в Ленинграде.

Что мы делали и о чём говорили — рассказывать не буду, потому что к «Жили-были солдаты» это не относится.

Но вот кто кем стал:

Ваня Дудкин — известным по всей Тульской области трактористом,

Володя Московский — не фруктоводом, а, представьте себе, лётчиком, развозит по всей высокогорной Армении почту,

Адмирал Нахимов командует торпедным катером, человек с чисто солдатской фамилией Храбров разводит в большом сибирском зверосовхозе куниц; иногда, правда, и на медведей ходит.

А вот старшину мы опять увидели по телевизору: он был снова на боксерских соревнованиях и выигрывал свой сто семидесятый бой.

Вот и всё о том, как жили-были солдаты. О том, как они подружились, и немножко о том, как эта дружба продолжилась, — потому что в армии и не в армии без дружбы никак нельзя.

Как Зубов ходил в увольнение. Рассказ

ЗУБОВ

Служил в армии рядовой Зубов.

Однажды утром вызывает Зубова старшина и говорит:

— Сегодня, Зубов, пойдёте в увольнение.

— Слушаюсь! — чётко отвечает Зубов.

— Но предупреждаю, — продолжал старшина, — и в увольнении вы — солдат. Вы пойдёте по улицам города, но для всех встречных жителей — я прошу обратить на это внимание — останетесь не просто гуляющим человеком, а солдатом: представителем всех Вооружённых Сил СССР! Таким образом, сегодня в вашем лице пройдёт по улицам города не просто Зубов, а вся наша доблестная армия. Поняли, Зубов?

— Так точно, понял! — сказал Зубов.

— И ещё, — продолжал старшина, — если кому-нибудь из местных жителей вдруг потребуется ваша помощь, эту помощь, я надеюсь, вы непременно окажете.

— Конечно, окажу! — твёрдо сказал Зубов, даже несколько обидевшись, что старшина напоминает ему об этом.

— Да, вот ещё что... По поводу улиц. Вы ещё не бывали в увольнении в этом городе...

— Не бывал, — сказал Зубов.

— Поэтому запомните: городок маленький, но древний. Строился так, чтоб предполагаемый враг в нём запутался. Не нашёл дорогу обратно. Такие случаи в многотрудной истории города были. И хотя с тех пор многое в городке изменилось — он вырос и выровнялся, — для приезжих и командировочных по-прежнему остаётся сущим наказанием. Стоит приезжему свернуть с центральной улицы — больше на центральную улицу он уже без посторонней помощи не выберется. Это я вам говорю по собственному опыту. Так что держитесь центральной улицы, Зубов!..

— Буду держаться! — ответил Зубов.

КРУГОМ ОДНИ ОРДЕНА!

Зубов шёл по центральной улице и чувствовал себя представителем Вооружённых Сил. Вероятно, другие это тоже чувствовали.

Особенно мальчишки, которые бежали рядом с Зубовым и всё время говорили:

— Орденов-то, орденов... Одни ордена!

Но на гимнастёрке у Зубова пока были не ордена. На гимнастёрке у Зубова были:

знак «Специалиста III класса» (его Зубову только вчера вручили),

«III разряд по ориентированию на местности» (тоже только вчера вручили),

«III разряд по стрельбе» (тоже вчера вручили) и, наконец, знак, изображающий раскрытый парашют, который выдаётся только тому, кто не менее одного раза прыгал с парашютом.

Вот сколько наград получил Зубов за первые четыре месяца службы в армии!

А к концу службы у него по всем солдатским дисциплинам были только первые разряды.

Но это случил ось не сейчас, это случилось потом.

ТЕЛЕВИЗОР

Так вот, Зубов шёл по центральной улице и думал: «Значит, сначала — в музей: осмотрю историческое прошлое города — план крепости, старинные кольчуги, берестяные грамоты, а возможно, и рыцаря на лошади; затем — в кино; затем...»

Тут Зубов вдруг остановился, с удивлением обнаружив, что он идёт и идёт и прошёл уже довольно большое расстояние, а никто не обращается к нему за помощью.

Это немного огорчило Зубова.

«Да-а, — подумал он, — вернётся из увольнения — никто и не поверит. Да ещё скажут: «Плохо искали. Зубов! Не может быть так, чтобы никому не потребовалась ваша помощь...»

Тут Зубов ещё раз огляделся и, к своей великой радости, заметил старушку, которая стояла на краю тротуара, а возле старушки — коробка с телевизором.

Возможно, не вспомни Зубов вовремя о разговоре со старшиной, он бы ничего не

заметил и прошёл мимо (такие случаи с ним раньше бывали), но сейчас он подошёл к старушке и голосом настоящего представителя Вооружённых Сил сказал:

— Разрешите помочь?

— Ой, родимый, — обрадовалась старушка, — помоги, помоги!

Зубов крякнул, взвалил на себя тяжёлую ношу, пожалев мимоходом, что нет у него ещё, к сожалению, разряда по поднятию тяжестей и надо будет этот пробел обязательно восполнить, и, сопровождаемый старушкой, свернул с центральной улицы.

Разумеется, он помнил предупреждение старшины, но он был спортсмен, солдат, прекрасно ориентировался на местности и к тому же старался запоминать улицы, по которым шёл.

Он не мог допустить, чтоб потом выводила его обратно какая-то старушка.

«Так, — думал Зубов, ощущая на себе телевизор, — сейчас мы свернули в проулок с прекрасно запоминающимся названием Бугорки... А сейчас свернули в другой проулок с не менее запоминающейся вывеской «Молоко». Кроме того, я вижу впереди водокачку, значит, когда пойду обратно, водокачка окажется у меня за спиной...»

Так Зубов двигался с телевизором, а старушка рассказывала ему тем временем о городских новостях:

в прошлом году построили новый кинотеатр,

открыли новую школу,

ещё один магазин,

в прошлом же году у неё обвалилась печка, а когда печник Ермолаев полез в подпол — нашёл там саблю.

— И откуда у меня в подполе сабля — ума не возьму!

Телевизор, который несёт Зубов, прислал ей внук.

Он служит в Москве.

Скоро у них там, в Москве, будет парад.

И, значит, внук хочет, чтобы она увидела его в телевизоре.

Да вот телевизор не работает — отдавала в починку, а в мастерской никакого дефекта не нашли.

А как служится ему, Зубову?

Да как кормят? Да не обижают ли командиры?

Да как часто пишет матери?

Да где она, мать?

И Зубов послушно, как на экзамене, отвечал:

— Служится хорошо. Командиры не обижают. Кормят хорошо. А мать живёт в Вологде. Только вчера послал ей письмо.

— Ты пиши матери-то, пиши, — убеждённо сказала старушка. — Сегодня письмо, завтра письмо, а послезавтра глядишь, и сам приедешь.

— Это уж точно, — вздохнул Зубов.

Потому что до приезда к матери ему нужно было ждать ещё почти два года.

Тут они подошли к старушкиному дому, Зубов внёс телевизор и установил его на комод.

— А антенна где? — спросил он.

— Антенна? — удивилась старушка.

И по тому, как она удивилась, Зубов понял: об антенне она слышит впервые.

Но тут Зубов и сам увидел то, что искал: антенна стояла в углу, рядом с кочергой.

— А что она там делает? — спросил он.

Выяснилось:

старушка антенной протыкала огурцы на засолку,

сушила, нанизывая на неё, грибы,

а иногда даже ворошила в печке угли.

Зубов оглядел антенну и поставил обратно в угол: антенна в качестве антенны уже не годилась.

— Теперь понятно, почему в мастерской не обнаружили дефекта в вашем телевизоре, — сказал Зубов. — Они не знали, что всё дело в антенне. Ни один телевизор без антенны работать не будет.

— Что же тогда делать? — спросила старушка. — Скоро парад, а я без телевизора. Может, её просто выпрямить да почистить? Весь грибной навар с неё и отвалится. Вот она и запоёт...

— Не запоёт. Я вам лучше сделаю новую, — сказал Зубов.

— К параду? Ты уж постарайся к параду.

— Постараюсь, — сказал Зубов.

Тут Зубов стал прощаться, а старушка начала угощать Зубова чаем, но Зубов чаю не хотел — он хотел посмотреть напоследок саблю.

— Саблю? — удивилась старушка. — Да я её, кривулю, в музей сдала. Этому... заместителю директора по научной части.

«Ясно, — огорчённо подумал Зубов, — кривуля сабля явно времён татаро-монгольского нашествия. В город-то они вошли, а вот обратно, ясное дело, заблудились... Прав был старшина».

Тут старушка начала объяснять Зубову, как выбраться ему теперь обратно на центральную улицу — в какие проулки сворачивать, а в какие не сворачивать, — но Зубов вежливо сказал:

— Спасибо, мамаша. Не надо. Мы, солдаты, и не в таких переделках бывали. Сквозь горы и леса без компаса проходили. А уж в вашем древнем городке тоже как-нибудь разберёмся...

Отдал Зубов старушке честь, напомнил, что прибудет точно к началу парада с антенной, встал спиной к водокачке, которая возвышалась над всем городом и служила прекрасным ориентиром, и пошёл.

ЧУДЕСА НАЧИНАЮТСЯ

Имея за спиной водокачку. Зубов шёл по улицам маленького, но исторического города и думал непочтительно о тех, кто мог в таком простом переплетении улиц, тупичков и проулков заблудиться.

Да, улицы кривоваты.

Этого не отнимешь.

И весьма странно пересекаются сами с собой и друг с другом.

И даже по несколько раз.

А некоторые почему-то расположены замкнутыми кругами.

Да, в Ленинграде улицы гораздо прямее.

А в Вологде тем более.

Разумеется, в исторические времена неприятель тут мог заблудиться: выйти, скажем, на Кольцевую улицу и так по ней ходить и ходить. Но в наше время, когда существуют телефоны и справочные бюро, когда есть такие прекрасные ориентиры, как водокачка... кино... школа... магазин с вывеской «Молоко», нужно совершенно не уметь...

Тут Зубов посмотрел направо в поисках вывески «Молоко» и увидел, чао стоит почему-то прямо перед водокачкой!

Зубов тряхнул головой, думая, что ему чудится, но водокачка прямо перед ним не исчезала. Как, впрочем, и двое молодых людей в больших парусиновых кепках, которые уныло сидели возле водокачки и держали на своих коленях внушительного размера мешок.

«Ага! — радостно подумал Зубов. — Вернувшиеся с юга загорелые местные жители поджидают рейсового автобуса... Сейчас подойду к ним и применю небольшую военную хитрость: заведу ничего не значащий разговор и очень искусно и тонко выясню для себя

обратную дорогу».

Строевым шагом Зубов подошёл к незнакомцам, приложил руку к пилотке и сказал:

— Рядовой Зубов. Нахожусь в увольнении. Когда подойдёт автобус?

Оба молодых человека разом взглянули на Зубова и почти хором ответили:

— Не знаем, дорогой! Мы — не местные. Мы — приезжие.

Зубов ещё раз глянул на водокачку и всё понял.

ПРИЕЗЖИЕ

Первого приезжего звали Илларион, второго — Гурам. Они были родные братья.

Собственно, вначале их было три брата. Но третьего они потеряли ещё сегодня утром, на подходах к водокачке.

Разумеется, они искали его. И он, вероятно, их тоже.

— Но это ничего, — закончил Гурам. — Он придёт.

Они просто молодцами держались, эти горцы. Они сидели на солнцепёке и терпеливо дожидались своего третьего брата. Они сколько угодно могли ждать. Они верили, что он появится. Эта вера их поддерживала. И к тому же у них были с собой дыни — как потом выяснилось.

— Так вот, — продолжал Гурам, — мы приехали в этот город по поручению нашего деда. Мы привезли с собой дыни. Вот они, здесь, в этом мешке. Это подарок нашего деда его фронтовому другу. Василий Павлович Иванов его фамилия, знаешь?

— Нет, — сказал Зубов. — Я сам первый раз в этом городе.

— Хорошо. Это такой человек... Однажды в разведке он спас нашего деда. Но слушай дальше. Вот мы сошли с поезда, вот мы сели в автобус, вот мы сюда приехали. Вот смотрим — уже нет нашего третьего брата Левона. Вот мы его ищем, но почему-то всё время возвращаемся к водокачке. Он, вероятно, тоже ищет, но почему он не возвращается к водокачке? Это какой-то плохой архитектор строил город! В Москве были — не заблудились! В Тбилиси были — не заблудились! В Ленинграде были...

— Это очень древний город, — сказал Зубов, решив тоже во всём признаться. — И не только вы в нём заблудились. Я тоже. А до меня многие другие. Мой старшина, например. Когда был молодым солдатом. Хан Батый...

— Хан Батый тоже? — удивился Гурам.

— Тоже, — сказал Зубов.

Братья немного посмеялись над ханом Батыем, а потом Зубов сказал:

— Почему же вы не обратились за помощью к местным жителям, когда потерялись? В конце концов, в справочное бюро, в милицию...

— Э! — сказал Гурам. — А почему ты не обратился?

И хитро посмотрел на Зубова.

— Потому что я — солдат, — ответил Зубов.

— А мы — горцы! Когда мы ходим по своим горам, мы ни у кого не спрашиваем, где дорога! Так неужели же мы, попав в этот совсем маленький, но трудный город, сами не найдём того, кого ищем?!

Тут он опять посмотрел на Зубова, и Зубов подумал, что да, это верно. Он не горец, но тоже так думает: надо самому искать дорогу.

— Вот что, — сказал Гурам, — сейчас сделаем так: съедим одну дыню... Развязывай мешок, Илларион!.. Потом обдумаем создавшееся положение и что-нибудь решим.

Илларион развязал мешок, и на Зубова сразу пахнуло жёлтыми, сочными дынями, будто на секунду самого Зубова опустили в мешок.

Гурам вытащил одну дыню и покачал головой.

— В чём дело? — спросил Илларион.

— Ещё немного, и у нас испортятся дыни, — сказал Гурам. — Вот, видишь? Бока продавились. Просто ерунда какая-то, Зубов, получается: мы здесь, дыни здесь, дедушкин

друг тоже где-то здесь, но мы никак не можем вручить ему дыни. Как-то нехорошо получается...

Он вздохнул и надрезал сочную дыню.

ОБЪЕДИНЯЮТ УСИЛИЯ

Скоро с дыней было покончено, и Гурам, взвесив на ладони оставшуюся от дыни корку, сказал:

— Пока вы тут ели, я думал. Нужно взять в краеведческом музее карту города, с картой мы не пропадём. Выйдем куда угодно. Во-первых, найдём Левона, а во-вторых, дедушкиного приятеля...

— Ты разве знаешь, где находится краеведческий музей? — спросил брата Илларион.

— Верно, не знаю, — согласился Гурам. — Я здесь впервые. Но и ты тоже. И если мы здесь просто так будем сидеть — не найдём не только дедушкиного друга, но и своего брата! Не веришь мне, можешь спросить военного человека!..

— Это меня, что ли? — спросил Зубов.

— Тебя, — ответил Гурам.

— Надо объединить усилия, — подумав, сказал Зубов. — Если мы объединим усилия... Насколько я помню, я пришёл к вам с этой стороны...

Братья посмотрели, куда указывал Зубов, и неуверенно подтвердили:

— С этой.

— Значит, если мы пойдём в противоположную сторону, а за спиной у нас останется водокачка...

— Э! — сказал Гурам. — Не говори мне больше о водокачке!..

— Хорошо, — сказал Зубов. — Если мы пойдём в ту сторону и будем идти всё время прямо и прямо, куда-нибудь-то мы придём?! Не можем же мы допустить, чтобы человек, которому вы привезли дыни, получил эти дыни испорченными?!

Братья посмотрели друг на друга, затем молчаливый Илларион взвалил на себя мешок и решительно сказал:

— Хорошо. Пойдём. Попробуем.

ЧУДЕСА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Через десять минут Зубов радостно сказал:

— Молоко!

— Что — молоко? Где? — спросил Гурам.

— Вот! Вывеска! Я здесь проходил! Это тот самый проулок, который должен быть от меня слева!.. Он и находится слева, значит, мы идём правильно! Сейчас должен быть ещё проулок — Бугорки называется... Поворачивайте за мной, ребята!.. Ага! Вот он!..

Обрадованный Зубов свернул влево, за ним — оба брата, и тут Зубов увидел, что проулок этот упирается в глухую стену. Тупик. Дальше прохода не было.

«Странно, — подумал Зубов, — когда я нёс телевизор, тут проход был. Когда же они успели построить стенку?»

Гурам поправил свой головной убор и прочитал название найденного Зубовым «проулка».

— Как, ты говоришь, он называется? — спросил он. — Бугорки?

— Бугорки, — машинально ответил Зубов/

— Здесь написано «Малая Лесная». Может, улицу... э... переименовали, а?

— Когда? — спросил Зубов.

— Пока мы сидели там, а ты ходил тут.

Илларион так захихикал под своим мешком, что дыни в мешке запрыгали и заскрипели.

— И совсем не смешно! — строго одёрнул его Гурам.

Дыни перестали прыгать.

Зубов вытер вспотевший лоб.

— Может, у кого-нибудь спросим? — неуверенно сказал Зубов. — Вон идёт какая-то гражданка...

— Ни в коем случае! — предостерегающе зашептал Гурам. — Не хватало ещё, чтобы горцы спрашивали у женщины дорогу!.. Пусть себе идёт. Мы пойдём за ней следом, но — отдельно. Понял? — И Гурам, довольный собственной хитростью, тихонько засмеялся.

Они пропустили вперёд женщину, причём Гурам, как истинный горец, в знак приветствия вежливо приподнял кепку, а потом они, делая вид, что идут не за женщиной, а отдельно, пошли за ней следом.

Вот она свернула направо — и они свернули направо.

Вот женщина свернула влево — и они свернули влево.

— Так дело пойдёт быстрее, — говорил довольный Гурам. — Теперь мы будем идти и идти и даже, может быть, встретим Левона... Или даже...

Но он не успел договорить, потому что женщина свернула за угол.

Они поспешили свернуть тоже.

Женщина вошла в дом.

А они увидели, что снова стоят перед водокачкой!

— Все! — опуская мешок, сказал взмокший Илларион. — Больше я отсюда не уйду. Останусь жить здесь навечно!

И сел.

БРАТЬЯ УЕЗЖАЮТ, А ЗУБОВ ОСТАЕТСЯ

И тут, когда он так сказал, они увидели своего третьего брата Левона: Левон махал им рукой из подъезжающего к водокачке автобуса.

На автобусе было написано «Водокачка — Центр. Круговой».

Брат кричал:

— Я его нашёл! Нашёл! А где вы ходите?!

— Он нашёл друга нашего дедушки, — переводили братья Зубову. — Он долго искал. Он спрашивает, где мы были. Он немножко сердится, но он очень хороший человек, наш Левон...

Тут автобус остановился у водокачки, Левон, не вылезая, подал команду:

— Втаскивайте!

И братья поспешно втащили мешок в автобус.

— А ты? — крикнули они растерявшемуся Зубову.

— Я? — ответил Зубов. — Я — солдат. Я сам найду дорогу.

Братья, стоя на подножке фырчащего автобуса, виновато вздохнули, потом поглядели на Зубова, и Гурам сказал:

— Ты извини нас, друг. Мы бы не уехали... Мы бы вместе с тобой без всякого автобуса искали дорогу... Но мы боимся: дыни испортятся. Запиши наш адрес: аул Цховребво. Будешь в горах — заходи!..

И, ещё раз вздохнув, уехали в автобусе.

МУЗЕЙ

«Как же это я раньше не догадался про автобус? — думал Зубов, благополучно выходя через, пятнадцать минут на центральную улицу. — Ведь автобус оставляет следы. И если бы я сразу пошёл по этим следам — давно бы вышел на центральную улицу!.. Впрочем, горцы тоже не догадались...»

Тут Зубов подошёл к краеведческому музею, вошёл и сразу увидел горшки и прялки,

сарафаны и телеги, уздечки и сёдла, но не эти вещи волновали Зубова: он хотел увидеть бабушкину саблю.

— Примкните к экскурсии, — сказали Зубову.

Зубов примкнул.

И экскурсия, словно только и дожидалась Зубова, сразу началась.

Молодой экскурсовод подошла к карте, висевшей на стене, и сказала:

— Перед вами, товарищи, старинный план нашего города. Так он выглядел раньше. Это крепость. А это палата, где жили когда-то бояре. Сейчас в одной из таких палат размещается наш музей. Вы видите, как запутаны на плане улицы. Это не случайно. По преданию, безвестный архитектор так спроектировал и построил город, что, войдя в город, враг в нём запутывался. Для посторонних наши улицы — сплошной лабиринт.

«Это уж точно», — подумал Зубов.

— Вот перед вами макет старинной оружейной мастерской, где делали всякие пищали и пушки. Такая мастерская стояла раньше в крепости. А теперь перейдём к экспонатам, рассказывающим о старинном быте нашего города... Перед вами прялка — подарок нашей жительницы Прасковьи Ильиничны Дроздовой. Между прочим, Прасковья Ильинична в этом году подарила нашему музею ещё и старинную саблю...

«Ага!» — радостно подумал Зубов.

— Сейчас вы её увидите... Вот, — перейдя в соседнюю комнату, сказала экскурсовод, — перед вами эта сабля...

Все посмотрели на саблю.

Зубов тоже.

Под саблей было написано:

«Дар П. И. Дроздовой городскому музею».

«Молодец, бабушка! — подумал Зубов. — Может быть, какой-нибудь твой древний предок и поймал заплутавшегося злодея с этой саблей и посадил к себе в погреб. А потом исправившегося злодея выпустили, а сабля осталась...»

— Обратите внимание, — продолжала экскурсовод, — рядом с саблей — тяжёлый меч. Между прочим, его подарил музею мой дедушка...

— Что, в подполе нашёл? — понимающе спросил Зубов.

— В огороде.

— У меня есть вопрос, — перебивая всех, спросил мужчина в тюбетейке. — Интересно знать, сколько этот старинный меч весит и может ли его поднять простой нынешний человек?..

— А вот это мы сейчас проверим, — улыбаясь, сказала экскурсовод. — Вот мы сейчас попросим товарища солдата... (Зубов хотел спрятаться, но было поздно) взять этот меч. Берите, не стесняйтесь, товарищ солдат...

— Я? — оглядываясь, спросил Зубов, будто в экскурсии были ещё солдаты.

— Вы, вы. Наденьте на голову шлем... И возьмите щит...

— Пусть одевает ещё кольчугу, — потребовал всё тот же человек, — чтоб всё, значит, было по форме...

Зубов хотел было возразить, хотел было сказать, чтоб мужчина сам, если ему нужно, надевал на себя кольчугу, но увидел, что экскурсовод расстраивается, и, чтоб не огорчать её, снял со стены шлем.

— Ого! — сказал он. — Как раз по голове!

Шлем был не лёгкий, но держать его на голове было можно.

Затем Зубов снял со стены щит, чуть не уронил его («Ого!» — подумал Зубов) и прислонил к стене.

Затем взялся за меч.

— Не, современный человек не может, — сказал мужчина.

Это заявление очень огорчило Зубова. Он сказал:

— Не может? Тогда вот, смотрите...

Ухватил щит в одну руку, меч в другую и пояснил:

— Я только двигаться с ним не могу, а так — могу.

— Как видите, — удовлетворённо сказала экскурсовод, — современный человек может.

Тут Зубов повесил на место экспонаты, хотел идти с экскурсией дальше, но любознательный мужчина стал на этот раз спрашивать о старинных пушках и пищалях: сколько они весят да сможет ли их сдвинуть с места современный человек?

И Зубов понял: надо уходить. Он и так видел: пицаль весила раза в четыре больше современного автомата, а пушку он навряд ли вообще мог сдвинуть.

«Ничего, — подумал Зубов, — в другой раз всё досмотрю...»

— Вы уходите уже? — огорчилась экскурсовод.

— Ухожу, — сказал Зубов.

— Приходите, когда меньше будет народа. Я вижу, вы интересуетесь старинным оружием...

— Интересуюсь, — сказал Зубов.

Он вышел опять на центральную улицу, собираясь направиться прямо в кино, но тут из соседнего палисадничка выбежал какой-то старичок и, чуть не плача, сказал:

— Товарищ солдат!..

— Что? — спросил Зубов.

— Очень прошу, — сказал старичок, — употребить на моего внука всё своё солдатское влияние. Вот он там в доме сидит, мой внук.

— А что он там сидит? — спросил Зубов.

— Простуда, — ответил старичок. — И ни один доктор к моему внуку подступиться не может. Даже участковый врач товарищ Гаврилова. Как только она появляется, мой внук — его зовут Митя — залезает под диван и не желает принимать ни аспирин, ни хлористый кальций. Скажите, пожалуйста, разве можно в такой обстановке его лечить?

— Нет, — подумав, ответил Зубов, — нельзя.

И направился вместе со старичком в дом, чтобы употребить на мальчика Митю всё своё солдатское влияние.

ЗУБОВ ЗНАКОМИТСЯ С МИТЕЙ

Вошёл Зубов в дом, повесил на гвоздик пилотку, огляделся — нету мальчика!

— Что, — спросил Зубов, — уже сидишь?

— Сижу, — подумав, ответил Митя из-под дивана; он ожидал доктора, а это был явно не доктор. — А вы кто?

— А я — рядовой Зубов из нашей доблестной дивизии. Меня в увольнение до семнадцати часов отпустили.

Так что ничего — сиди, — сказал Зубов. — Меня всё равно не пересидишь.

И сел на стул.

Вообще-то говоря честно, он не знал, как дальше разговаривать с мальчиком, но когда-то он и сам был мальчиком, поэтому думал: всё образуется.

Смотрит Митя из-под дивана: Зубов сидит.

Час, наверное, проходит — Зубов сидит.

Да ещё к тому же начинает играть с дедушкой в шахматы. С закрытыми глазами.

«Может, — думает Митя, — его действительно до семнадцати часов отпустили?»

Предупредил он на всякий случай деда и Зубова, что никаких лекарств всё равно принимать не будет, и вылез из-под дивана.

— Ну, здравствуй! — обрадованно сказал ему Зубов.

— Здравствуйте, — неуверенно сказал ему Митя. — А это правда, что вы играете с закрытыми глазами?

— Нет, — сказал Зубов, — я подглядываю.

— Это нечестно! — возмутился дедушка.
— А разве честно играть против меня с открытыми глазами?
Тут они посмеялись немного, Зубов попросил поставить для него на огонь картошку — потому что проголодался очень, а потом сказал:
— Между прочим, был в музее.
— Ну? — спросил Митя.
— Видел пушки и пищали. А один человек не поверил, что я смогу надеть на себя древний шлем, взять в руки щит и меч и не упасть при этом.
— И не упали?! — открыв рот, спросил Митя, да так его и не закрыл.
— Не упал, — ответил Зубов. — Мы, солдаты, когда нас заденут, особенно крепко на ногах держимся. Мы через горы и леса без компаса проходим, с самолёта, между прочим, с закрытыми глазами прыгаем... Значок, между прочим, вот этот видел? — И Зубов указал на раскрытый парашют.
— Это что, парашют? — спросил Митя.
— Да, за прыжок с самолёта на парашюте.
— Ха! — сказал Митя, чувствуя, что проигрывает и что Зубов явно берёт над ним в этом разговоре верх. — Ничего страшного — прыгнуть с парашютом! Я бы прыгнул!..
— Из самолёта, ночью? — спросил Зубов.
Тут Митя надолго задумался. Конечно, он мог бы сказать: «Да, прыгнул бы!», но он был человек справедливый и поэтому промолчал.
— А вы прыгали? — спросил он.
— Днём, — сказал Зубов. — Один раз. А ночью не прыгал.
— Но прыгнете? — не отставал Митя.
— Прыгну, — твёрдо сказал Зубов.
— А он лекарства боится пить, — появляясь, сказал дедушка.
— Да при чём здесь лекарства?! — отчаянно сказал Митя.
Он не мог понять, как может дедушка путать такие разные вещи, как какие-то лекарства и ночные прыжки с парашютом!
Даже Зубов это отлично понял.
— Мы говорим о самолётах, — сказал он дедушке, — а вы — о лекарствах! Это же совершенно разные вещи, дедушка!..
Митин дедушка поднял руки и сказал, что признаёт свою ошибку.
— А между прочим, — спросил Зубов, — о каких тут лекарствах зашла речь? Если об аспирине или хлористом кальции, то это одно, а если о чём-нибудь другом, так это другое...
— Об аспирине, — сказал дедушка.
— О хлористом кальции, — сказал Митя.
И тут Зубов начал смеяться.

ХЛОРИСТЫЙ КАЛЬЦИЙ

— Ой, не могу! — сказал Зубов.
— Что — не можете? — спросил Митя.
— Без смеха думать про хлористый кальций. Раньше-то ведь я его тоже боялся, но в армии... Дайте-ка, дедушка, мне самую большую деревянную ложку! Как — зачем? — удивился Зубов. — Нам в армии хлористый кальций дают только деревянными ложками. Хорошее дерево, оказывается, — пояснил он Мите, — половину горечи забирает. Я раньше сам этого не знал, потому боялся... Солдаты-то в армии тоже иногда болеют и тоже не очень-то любят пить лекарства...
— И что же тогда с ними делают? — заинтересованно спросил Митя.
— А ничего. Прописывают деревянные ложки вместо железных. Это раз. Дают подышать над картофельным паром. Это два. Между прочим, дышать надо в компании. Это

три. Одному неинтересно. Вот, собственно, и всё. Короче, пустяки!..

Тут дедушка принёс на выбор четыре деревянные ложки, Зубов долго и сосредоточенно пробовал каждую на зуб, дал попробовать Мите, и после некоторых споров они выбрали самую на вид неказистую, но по вкусу самую лучшую.

Затем Зубов недрогнувшей рукой налил себе хлористый кальций, выпил, сказал:

— Хор-рошо!

И передал Мите.

Затем Митя недрогнувшей рукой сам налил себе в ложку хлористый кальций, выпил почти не поморщившись, сказал совсем как Зубов:

— Хор-рошо!

И передал лекарство и ложку дедушке.

А дедушка от растерянности не стал даже пить — сунул лекарство и ложку в шкафчик.

— Ну-с, — сказал, потирая руки, Зубов, — а сейчас мы все будем дышать над паром.

— Прямо вот тут, за столом? — спросил Митя.

— Прямо вот тут, за столом. Несите, дедушка, картошку...

На всякий случай Митя хотел было по привычке нырнуть под диван, но тут увидел, что дед несёт в кастрюле действительно самую обыкновенную картошку, а Зубов уже накрывается с головой одеялом и говорит:

— Ого, картошка-то рассыпчатая! Самая полезная, чтоб дышать. Вы, дедушка, с этой стороны заходите, пусть парню покрупнее достанется, а я вот с этого бока...

— Давай, — говорит дедушка Мите, — заходи!

Ну, Митя и сунул голову под одеяло. А там уже дедушкина голова и Зубова, конечно.

— Ну как? — спрашивает Зубов.

— Темно, — отвечает Митя.

— Зато здесь нас вон сколько. Как в кино. Не соскучишься. К тому же предлагаю устроить соревнования: кто кого пересидит. Солдаты так всегда делают. Ну, начали!..

Митя засопел, потому что уже знал, что всех тут пересидит и что первым из игры выйдет дедушка.

— Жарко очень, — минут через пять сказал дедушка.

И высунул голову, чтоб подышать.

— Снимаетесь с игры, — жёстко сказал Зубов дедушке из-под одеяла. — И вам засчитывается поражение. Таким образом, на дистанции осталось два гонщика.

— Каких гонщика? — удивлённо спросил Митя, стучаясь своим лбом в лоб Зубова.

— Два гонщика на велосипедах. Я и ты.

— А-а-а, — сказал Митя.

И подумал, что это верно: он и Зубов проносятся на своих велосипедах по раскалённой пустыне, и все удивляются: «Смотрите, кругом стоит такая жара, а они — хоть бы хны!»

И тут, как только Митя это подумал, Зубов как-то подозрительно закашлялся, высунул голову из-под одеяла и сказал:

— Всё. Больше я не могу.

— Снимаетесь с соревнования! — радостно заорал Митя. — Я занял первое место!..

— А я второе, — сказал Зубов.

Дедушка, совершенно естественно, оказался на третьем.

Тут Зубов сказал, что ему пора идти в часть, в свой военный городок, съел по настоянию Мити одну картофелину, а затем, отметив своим перочинным ножом деревянную ложку, из которой теперь Мите надлежало пить лекарство, сообщил по секрету, как ловко можно вовнутрь принимать аспирин. А потом попрощался и вышел на улицу.

И тут увидел участкового врача товарища Гаврилову, о которой говорил ему Митин дедушка и которая пришла теперь, наверно, уговаривать Митю, чтоб он принял лекарство.

Участковый врач стояла на крыльчке и во все глаза смотрела на рядового Зубова.

— Я всё слышала, — сказала она, — я тут стояла и всё слышала. Вам обязательно надо

быть детским врачом.

— Трудно быть врачом, — подумав, сказал Зубов. — А вы — врач? Лечите Митю?

— Да, — вздохнула врач, — лечу Митю. И это, наверное, нисколько не легче, чем быть солдатом...

— Не знаю, — засмеялся Зубов, — солдатом-то я уже был, а вот врачом....

А сам подумал: «Может быть, действительно стать детским врачом? Вот закончу службу в армии и стану. Один раз попробовал — вон как хорошо получилось...»

— До свидания, — сочувственно сказал Зубов участковому врачу.

Отдал честь и пошёл в свой военный городок делать обещанную бабушке антенну.

Неизвестный в клеточку. Рассказ

ЧТО УМЕЛИ ПОГРАНИЧНИКИ

Служили на заставе молодые пограничники Сидоров, Малахов и Петров.

Неплохо служили.

Делали всё, что нужно, и не делали того, что не нужно.

А делать им нужно было многое:

во-первых, охранять границу — не всю, конечно, а только небольшой участок (остальную охраняли другие пограничники),

во-вторых, хорошо знать свой участок (ведь если вы пошли за грибами и не знаете леса, вам легко заблудиться, а пограничники не за грибами ходят — они границу охраняют, и им никак нельзя заблудиться),

в-третьих, хорошо читать следы (ведь если нарушитель пошёл налево, а вы, наоборот, направо, значит, вы не умеете читать следы и вам нельзя доверять границу),

в-четвёртых, метко стрелять, хорошо бегать без лыж и на лыжах, потому что нарушитель тоже ведь не стоит на месте.

Я уж не говорю о том, что пограничник должен уметь почистить картошку, быстренько поджарить мясо, а если надо, то и сварить целый обед.

Всё это молодые пограничники умели.

Вот только настоящих нарушителей никогда ещё не задерживали.

А учебные — это вы сами понимаете — совершенно другое дело.

Назначат, скажем, учебным нарушителем Малахова, а Петров с Сидоровым не знают этого, бегают за ним и ловят. А поймают — перед ними их лучший друг Малахов.

Просто какие-то казаки-разбойники получаются.

И многие пограничники были этим недовольны.

— Это ничего, что вы недовольны, — говорил начальник заставы. — Казаки-разбойники тоже хорошая игра. Сегодня игра, завтра игра, а послезавтра — раз! — и всё получилось по-настоящему.

Так говорил начальник заставы, но многие в это не верили.

Тихо у них было на заставе.

Границу никто не нарушал.

МАШИНА, КОТОРАЯ НИКУДА НЕ ЕХАЛА

В тот день, о котором я хочу рассказать, пограничники Сидоров и Петров заступили на пост номер семь.

Пост находился у самой границы и был хорошо замаскирован, так что со стороны его не было видно, и ещё была на этом посту стереотруба — здоровенный такой прибор вроде

бинокля, только Сидоров и Петров не в руках его держали, а стоял он самостоятельно на земле.

Повернёшь эту трубу направо — видишь всё направо, повернёшь налево — видишь всё налево.

Ну и конечно, у Сидорова был автомат, и у Петрова был автомат. Без этого на охрану границы не ходят.

Повернул Сидоров стереотрубу направо — увидел иностранную пограничную деревню.

Хотел повернуть трубу налево — видит: по дороге в эту иностранную деревню направляется иностранная машина, но не доезжает немного до деревни и останавливается за кустами. И тихонько вылезают из машины четверо:

в одинаковых шляпах, в одинаковых плащах, трое в очках, а один с бородой.

Сразу видно: не деревенские. Деревенские таких шляп не носят.

Вылезают, садятся в кружок, достают жестянки с пивом и закуривают.

Десять минут курят.

Двадцать.

А потом снова закуривают.

— Чего это они всё время курят? — удивлённо спрашивает Сидоров. — И чего сидят за кустами? Может, экскурсия?

Но Петров этого тоже не знает.

Берёт Петров ручку и чётким военным почерком записывает в постовой журнал:

11 часов 15 минут. У самой границы остановилась машина. Из неё вышли четверо — в одинаковых шляпах и одинаковых плащах. Сидят за кустами, пьют пиво и курят. А чего курят — неизвестно.

Записывает это Петров и вместе с Сидоровым продолжает вести наблюдение дальше.

Конечно, можно было высунуться и крикнуть им через границу: чего, мол, вы там курите? Но, во-первых, это личное дело четверых: они на своей территории курят, а во-вторых, кричать, петь, галдеть и вообще вести себя на границе шумно запрещается.

КОГО НАЗНАЧИТЬ НАРУШИТЕЛЕМ

А в это время начальник заставы капитан Багиров сидел у себя в канцелярии и думал, кого назначить нарушителем. Потому что работа есть работа и лишний раз поработать с учебным нарушителем никогда не мешает.

Но кого послать нарушителем?

Тут и ловкость, и сила нужна, ну и соображать в этом деле тоже надо. Иначе двух шагов не пройдёшь — сразу тебя поймают.

И сколько начальник заставы ни думал, выходило, что посылать надо Малахова.

Конечно, на вид Малахов был не очень сильный. На вид Малахов даже был просто маленький. Но и ловкость, и сила, и выносливость у него были, и сообразительности ему было не занимать тоже.

А во-вторых, раньше Малахов работал в цирке.

На арене, правда, не выступал, но очень многому научился и от гимнастов, и от акробатов, и от канатоходцев. И даже от артистов, которые выступают на манеже с длинным шестом, тоже.

И когда Малахов отправлялся учебным нарушителем, не так-то просто было его найти.

Он и канаву самую широкую перепрыгнет, и по верёвке с отвесного обрыва спустится, и речку с помощью шеста ловко перемахнёт.

И след его поэтому терялся. И даже опытная овчарка Туман не сразу этот след находила.

А однажды Малахов вообще всех удивил. Когда он был учебным нарушителем, ему попалась на пути высокая длинная изгородь, которая разделяла луг. Одним концом изгородь уходила в лес, а другим — упиралась в речку. Любой другой просто бы перелез через изгородь и побежал дальше. Но Малахов не стал перелезать. Чтобы сбить погоню со следа, он влез на

изгородь и долго, как канатоходец, шёл по ней, а когда увидел, что хватит, спрыгнул с изгороди прямо в речку. И конечно же, след Малахова все потеряли и долго не могли сообразить, куда же этот Малахов делся: ведь не по воздуху через луг перелетел и не под землю провалился? Откуда они могли знать, что Малахов перешёл луг по изгороди?!

И решив окончательно, что послать надо именно Малахова, начальник заставы Багиров приказал вызвать его к себе.

ПОСЫЛКА

А Малахов в это время сидел в казарме и разворачивал посылку, которую получил сегодня утром из дома.

«Колбаса, — разворачивая, думал Малахов. — Определённо, колбаса. Пахнет колбасой».

И точно: в посылке лежала колбаса. Круглая. Домашняя. Делала её сама мама Малахова.

«Ну, — подумал Малахов, — сегодня я устрою сюрприз: положу незаметно каждому в тумбочку по куску колбасы, а вечером все полезут в тумбочки и ахнут...»

Подумал так Малахов и уж хотел незаметно положить, как подходит к нему старший сержант Чашкин и говорит:

— Что, колбаса? Из дома прислали?

— Да, — отвечает Малахов. — Колбаса. Из дома прислали.

— А-а... — будто бы разочарованно говорит Чашкин и делает вид, что собирается идти дальше: мол, не нужна нам ваша колбаса, мол, мы и не такую видали.

— Да ты погоди, — сразу обижается Малахов. — Ты попробуй сначала, что это за колбаса, а уж потом иди дальше...

И в сердцах суёт Чашкину под нос кусок колбасы.

Чашкин сначала — будто бы равнодушно — жуёт, а потом прячет кусочек в карман и восхищённо говорит:

— Ну и колбаса!

— Где колбаса? Какая? У кого? — сразу послышалось со всех сторон казармы.

Малахов открыл было рот, чтобы дать необходимые объяснения, но объяснения вместо него начал давать Чашкин:

— Мамина колбаса. Домашняя. Сначала вроде бы ничего, а потом во рту тает!..

И к Малахову сразу же выстроилась целая очередь.

— Верно, тает, — гордо говорит Малахов, нарезая колбасу, как заправский колбасник. — Я, правда, сам ещё не пробовал, но знаю...

Когда через десять минут в казарму вошёл дежурный по заставе, чтобы объявить Малахову, что его вызывает капитан Багиров, то, прежде чем это объявить, дежурный втянул носом воздух, а потом сказал:

— Колбаса?

— Колбаса, — ответил Малахов.

— Домашняя?

— Домашняя, — ответил Малахов.

— Дай попробовать, а?

Взял Малахов нож, чтобы отрезать кусок колбасы, — видит, отрезать уже нечего, всего один ломтик остался.

— На, — сказал Малахов, — ешь.

Дежурный съел, а потом говорит:

— Тебя капитан Багиров вызывает.

Вздыхнул Малахов и пошел в канцелярию.

Мало того, что сам колбасы не попробовал, — ещё и никакого сюрприза не устроил. И Сидорову с Петровым не оставил. А они вернутся после дежурства, войдут в казарму, учуют запах и сразу спросят:

— Колбаса?

— Колбаса.

Была колбаса.

Но попробуй объяснить, что это была за колбаса и какая она была вкусная.

КАПИТАН БАГИРОВ ОБЪЯВЛЯЕТ ЗАДАЧУ

— Как отдохнули, товарищ Малахов? — спросил капитан, потому что сегодня у Малахова был день отдыха: он вчера и позавчера охранял государственную границу.

— Отлично отдохнул! — сказал Малахов.

— И кино видели?

— Видел.

— А как настроение?

— Отличное настроение! — снова сказал Малахов.

Пограничнику очень важно иметь хорошее настроение.

— Вот и хорошо, что отличное настроение, — одобрил капитан. — : Пойдёте учебным нарушителем.

— Да я недавно был учебным нарушителем! — сказал Малахов.

И настроение у него сразу испортилось.

— Верно. Были, — подтвердил капитан. — Но кому-то ведь снова надо быть нарушителем?.. К тому же это у вас неплохо получается...

И капитан подошёл к карте, которая висела на стене и была задёрнута шторкой.

Карта не случайно была задёрнута шторкой — на карте был нарисован участок, который охраняла застава, и посторонним на эту секретную карту нельзя было смотреть. Но Малахов был не посторонний — свой, и ему смотреть было можно.

— Я, конечно, понимаю, — отодвигая шторку, сказал капитан, — гораздо интереснее ловить нарушителя, чем самому быть нарушителем. Когда я был солдатом, я тоже так думал. И теперь так думаю. Но ничего не поделаешь... — Тут указка капитана нашла маленький чёрный квадрат, который обозначал на карте заброшенный хутор. — След начнёте прокладывать вот отсюда. А выйдете... если вам удастся выйти... в район поста номер семь... — И указка упёрлась в кружочек, который обозначал пост номер семь (там сейчас как раз находились Петров и Сидоров). — Как думаете идти? — спросил капитан.

Малахов вздохнул, посмотрел на карту и принялся выбирать путь.

— К седьмому посту можно пройти по дороге, — сказал Малахов, — но я по дороге не пойду. По дороге настоящие нарушители не ходят.

— Верно, — сказал капитан.

— Я спущусь к реке и перейду речку...

— По мостику? — спросил капитан.

— По мостику настоящие нарушители не ходят. Я перейду вброд.

— Холодно. Вымокнете, — сказал капитан.

— А я разденусь, — сказал Малахов. — Если удастся, одежду переправлю на плотике, а если нет, сверну в узел и понесу над головой...

— Очень хорошо, — сказал капитан. — А где выйдете на берег?

— Я не сразу выйду, — сказал Малахов. — Некоторое время буду плыть вниз по реке. Это вас окончательно собьёт со следа. А выйду в районе высоты «сто тринадцать». Там вокруг лес и болото. Болотом я и пойду... — И Малахов указал на длинное болото на карте, которое почти подходило к самой границе. — А уж оттуда до поста номер семь совсем недалеко...

— Ну что ж, попробуем вас поймать, — сказал капитан.

— Попробуйте, — улыбаясь, ответил Малахов.

Настроение у него исправилось, и он пошёл переодеваться в специальное снаряжение.

Первым делом вместо солдатских брюк и гимнастёрки надел толстые ватные штаны и такую же толстую куртку.

Вместо фуражки — старую шапку-ушанку, а вместо шинели — брезентовый плащ в жёлтую с зелёным клетку — в таком плаще и рыбаки, и охотники, и лесорубы ходят.

Оглядел Малахова начальник заставы и остался очень доволен.

— Вы просто вылитый нарушитель, Малахов. И мы вас обязательно поймаем.

— Может, и поймаете, — ответил Малахов.

И пошёл к заброшенному хутору, думая, что теперь он действительно не очень-то похож на всем знакомого Малахова, а скорее на какого-то неизвестного в жёлто-зелёную клетку.

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ЧАШКИН И ЕГО ДРУГ ТУМАН

Старший сержант Чашкин (тот самый, который первым увидел, что Малахову прислали колбасу) был вместе с капитаном Багировым самым старым человеком на заставе: ему было целых двадцать пять лет. И целых пять лет он уже служил на заставе. А в следующем году собирался жениться.

То, что он собирался жениться, к нашему рассказу не относится. А всё остальное — относится.

Например, почему Чашкин так долго служил на заставе? Ведь обычно солдаты и сержанты служат на заставе всего два года.

Может, тут была какая-нибудь тайна?

Отвечу: никакой тайны тут не было.

Просто он не мог расстаться со своим другом Туманом.

Три года назад Чашкин вместе с другими пограничниками, с которыми служил, уехал домой, а на смену им пришли молодые солдаты.

А Туман остался. Служба для него продолжалась. И сразу же Туман заскучал без своего хозяина.

Ничего не ел.

На всех огрызался.

И никто не мог к нему подойти.

Попробовал один опытный дрессировщик — Туман его цапнул за ногу.

Попробовал другой — и его Туман за ногу цапнул.

Решили тогда передать Тумана в милицейский питомник, но милиционер, который за ним приехал, тоже был цапнут за ногу.

В общем, стало ясно: ни в милиции, ни на границе Туман без своего прежнего хозяина служить не хочет.

И специальная комиссия приняла решение Тумана застрелить.

Но капитан Багиров сказал:

— Туман — хорошая, умная собака. Он не виноват, что любит своего хозяина и ждёт его. Я напишу сержанту Чашкину и всё расскажу ему про Тумана. И когда Чашкин ответит, мы увидим, что нам делать с Туманом дальше.

Комиссия согласилась.

И капитан Багиров написал Чашкину письмо:

Сержанту запаса Чашкину от его боевого командира капитана Багирова.

Мир дому твоему!

Твоя боевая собака Туман вот уже месяц никого не признаёт! Самые лучшие дрессировщики от неё отказались. Туман думает только о тебе. Я, капитан Багиров, впервые не знаю, что мне делать. Напиши, дорогой.

Твой бывший командир Искандер Багиров.

Через три дня пришла телеграмма:

Вылетаю рейсом 18 служить дальше вместе Туманом. Приготовьте мою прежнюю койку. Сержант Чашкин.

Так Чашкин снова приехал служить на заставу.

Но вернёмся к колбасе, которую Чашкин спрятал в карман, а теперь принёс угостить Тумана.

Туман сидел в специальном домике и очень обрадовался, увидев своего хозяина.

— На, Туман, ешь колбасу, — сказал Чашкин. — Нравится?

Туман проглотил колбасу, подумал, посмотрел кругом — нет ли ещё, а потом закрыл глаза, что означало: очень нравится.

И в это время послышалась команда:

— Застава, в ружьё!

ТРЕВОГА

«Застава, в ружьё!» — это по-пограничному значит тревога.

Каждый пограничник знает, что ему по тревоге делать.

И когда капитан Багиров вышел из канцелярии, две группы вооружённых пограничников уже стояли во дворе и ждали приказа.

Во главе первой группы стоял сержант Чашкин со своим Туманом.

Капитан Багиров строго оглядел всех и сказал:

— Только что пограничным нарядом обнаружен след, который ведёт от хутора в сторону границы. Приказываю: группе старшего сержанта Чашкина преследовать нарушителя и задержать его. Группе номер два отрезать нарушителю подступы к границе!..

Капитан, конечно, знал, что речь идёт не о настоящем нарушителе, но пограничники-то этого не знали.

Только Чашкин сразу же понял, что это Малахов нарушитель. Чашкин служил с капитаном не первый год и знал, что, когда капитан говорит о настоящем нарушителе, от волнения у капитана всегда шевелятся усы. А тут они даже не дрогнули.

Но Чашкин ничего не сказал, сел со своей группой в машину и помчался к старому хутору.

А вторая группа на другой машине помчалась к границе, чтобы со своей стороны отрезать нарушителю путь.

ЗВОНОК ПО ТЕЛЕФОНУ

Все уехали, а довольный капитан Багиров вернулся в канцелярию и стал ждать, когда поступят первые сообщения.

Он, конечно, не думал, что Малахова поймут сразу, и поэтому очень удивился, когда через час раздался первый звонок по телефону.

— Что случилось, Чашкин? — спросил капитан.

— Товарищ капитан, — послышался взволнованный голос Чашкина, — в четырёх километрах от хутора Туман обнаружил второй след! В сторону границы идут теперь два следа! Один малаховский, а другой!..

Тут усы у капитана Багирова зашевелились, и он сразу сказал:

— Старший сержант Чашкин! Слушайте мою команду: немедленно оставьте Малахова, идите по второму следу! Выезжаю к вам!

И, взяв ещё двух пограничников, капитан Багиров помчался к месту происшествия.

Тут вы можете удивиться и законно спросить: как это Чашкин разговаривал из леса по телефону? У него что, там телефон был?

Отвечу: был.

Вы, наверное, видели, как шофёры такси разговаривают со своим диспетчером на улице по телефону. Телефон в ящичке висит на стенке какого-нибудь дома, шофёры открывают ящичек и говорят по телефону, и диспетчер сообщает им, по какому адресу ехать.

На границе в определённых местах тоже есть такие (только замаскированные) телефоны.

Каждый пограничник знает, где они находятся, и в нужный момент всегда может сообщить о любом происшествии на заставу. Для этого нужно только вытащить из кармана телефонную трубку и вставить шнур в специальную розетку.

Вот по такому телефону и говорил Чашкин с капитаном.

ЧАШКИН И КАПИТАН СОВЕЩАЮТСЯ

На земле, ещё влажной после недавнего дождя, шли неровные цепочки следов: где след был почётче, а где его совсем не было видно.

— Вот видите, — сказал Чашкин, — это след Малахова, а это — неизвестно чей...

— Вижу, — сказал капитан.

— У Малахова сапоги тридцать девятого размера, а тут — сорок четвёртый размер...

— Ясное дело: громила, — сказали остальные пограничники. — И прошёл он здесь раньше Малахова.

— Вижу, — сказал капитан.

А видел он это потому, что след Малахова ещё не успел просохнуть на солнце, а след неизвестного уже немного затвердел.

— Малахов пошёл по следу нарушителя, — сказал Чашкин. — Надо выручать Малахова.

— Надо, — сказал капитан.

И тут же отдал приказ по телефону, чтобы все пограничные наряды и все пограничные посты приготовились к встрече: в сторону границы идёт не учебный, а настоящий нарушитель, и этот нарушитель скорее всего вооружён.

После этого капитан вместе с группой Чашкина пошёл по следу Малахова и нарушителя.

Они очень торопились, поскольку знали, как нелегко придётся Малахову, когда он встретится с вооружённым нарушителем лицом к лицу.

Ведь Малахов-то был без оружия...

ВСТРЕЧА НА ОПУШКЕ

Малахов, как и обещал капитану, перешёл речку вброд, потом долго пробирался болотом и под конец стал таким мокрым и чумазым, что в бане его, наверное, надо было отмывать после этого целую неделю.

Но всё равно Малахов был очень доволен: преследователей тоже надо будет отмывать целую неделю, и к тому же не так-то легко им будет найти в речке и в болоте малаховские следы!

И вот, когда болото кончилось и Малахов ступил на твёрдую землю, он вдруг увидел перед собой цепочку непонятных следов. Следы явно шли в сторону границы.

«Нарушитель!» — сразу же сообразил Малахов и, стараясь ничем не обнаружить себя, осторожно двинулся по чужим следам.

Тут вы можете спросить, почему Малахов не позвонил на заставу по телефону.

Отвечу: телефонной трубки у него не было. А как же без трубки звонить?

Пока следы шли по сырой земле, идти по ним было легко. Но когда они свернули в лес, валежник и прошлогодняя хвоя почти скрыли их. Ведь нарушитель старался двигаться осторожно, пытаясь не потревожить лесную подстилку: опавшие ветки, хвою, листья. И человек не очень внимательный тут бы просто растерялся: нету следов — и всё! Но Малахов умел читать и почти невидимые следы: вот растоптана сухая ветка — значит, нарушитель пошёл в эту сторону... вот примят лист папоротника... вот рыжеватый комочек торфа, который налип к сапогам нарушителя в болоте, теперь отвалился здесь... вот взрытая каблуком земля — значит, нарушитель поскользнулся на мокрой хвое и чуть не упал...

«Осторожно, — говорил себе Малахов, — осторожно... Главное — увидеть его

первым... потом станет ясно, как себя вести... он где-то тут, совсем близко...»

И точно: через несколько минут на лесной прогалине Малахов увидел нарушителя.

В брезентовом плаще и в толстой рыжей куртке, такой же чумазый и усталый, как сам Малахов, нарушитель изучал карту: смотрел, куда ему дальше двигаться.

И тут метрах в десяти от себя нарушитель вдруг увидел Малахова.

— Стой! — испуганно сказал нарушитель. — Стрелять буду!

И хотя Малахов не двигался, тут же направил на Малахова пистолет.

«Не выстрелит, — быстро подумал Малахов. — Выстрел выдаст его пограничникам...»

Но стоять под наведённым дулом было не очень приятно, и поэтому Малахов сказал как можно жалостливее:

— Дяденька... не стреляйте!..

И чтобы окончательно показать миролюбивость намерений, поднял руки.

— Ты кто такой? — строго спросил нарушитель, разглядывая внимательно незначительную фигуру Малахова.

— Местный я, — сказал Малахов.

— Врёшь, — сказал нарушитель.

— Вру, — согласился Малахов. — Из Бабошкина я.

И Малахов и, очевидно, нарушитель знали, что поблизости никаких деревень нету: одно Бабошкино, да и то стояло в стороне. Так что получилось — Малахов вроде и не врал: получилось, что он почти местный.

— А здесь что делаешь? — спросил нарушитель.

Малахов виновато шмыгнул носом:

— От милиции скрываюсь. Чужую машину угнал. Теперь меня ищут.

— Отдельно от меня скрывайся, — строго сказал нарушитель. — Дальше нам не по пути. Стой тут и не шевелись, пока не уйду. Понял?

— Понял, — всхлипнув, сказал Малахов. — Дяденька, возьмите меня с собой. Я дорогу знаю: где есть пограничники, а где их нет. Одному страшно...

«Чёрт! — подумал нарушитель. — Не- отвязаться, теперь от него... А вдруг он действительно дорогу знает, а эта чёртова карта врёт?..»

— А ну, — сказал он Малахову. — Иди сюда. Карту понимаешь?

— Понимаю, — радостно сказал Малахов и даже смахнул с лица почти настоящую слезу.

— Где твоя дорога, на которой нет пограничников?

— Вот! — сказал Малахов.

И указал дорогу на седьмой пост. Потому что поста номер семь на карте нарушителя не было.

«Значит, не врёт карта, — радостно подумал нарушитель. — Возьму я этого автомобилиста с собой, а у самой границы от него отделаюсь...»

— Пошли, — сказал он Малахову.

И, пропустив Малахова вперёд, нарушитель двинулся за ним в сторону поста номер семь.

СИДОРОВ И ПЕТРОВ БЕСПОКОЯТСЯ ЗА МАЛАХОВА, А ПОТОМ ЗАДЕРЖИВАЮТ НАРУШИТЕЛЯ

А Сидоров с Петровым в это время очень переживали за Малахова.

Они уже знали, что безоружный Малахов преследует нарушителя, и, если б могли, бросились своему другу на помощь. Но во-первых, они не могли оставить свой пост номер семь, а во-вторых, им было известно, что сразу две группы во главе с капитаном Багировым идут Малахову на помощь.

— Теперь ясно, — сказал Сидоров, — что делают те четверо на той стороне: поджидают

нарушителя. Думают, он перейдёт границу, сядет к ним в машину и спокойно уедет пить заграничное пиво. Не удастся ему это!

— Не удастся, — сказал Петров.

И сердито посмотрел в стереотрубу.

Четверо уже не курили — теперь они делали вид, что ремонтируют машину.

— На всякий случай, — сказал Сидоров, — я вылезу из укрытия и буду прикрывать тебя с тыла. Залягу вот за тем бугорком. И если нарушитель сюда сунется, то я его встречу...

И Сидоров вылез из укрытия и занял боевую позицию за бугорком. Вокруг было по-Прежнему тихо.

Сидоров съел брусничину, которая росла на стебельке у самого его носа, и хотел съесть вторую, как вдруг где-то впереди, совсем недалеко от Сидорова, хрустнула ветка, и Сидоров увидел Малахова. За Малаховым, пригибаясь, шёл высокий мужчина.

«Нарушитель!» — ахнул про себя Сидоров и тут же забыл про брусничину.

— Руки вверх! — как можно страшнее закричал Сидоров.

На миг нарушитель замер.

Потом выхватил пистолет, но тут же выронил его, потому что Малахов, падая, ногой выбил у него из рук оружие.

Это был специальный боевой приём, который умели выполнять все пограничники.

— Руки вверх! — снова закричал Сидоров.

А Петров, который незаметно выбрался из своего укрытия и теперь оказался слева от нарушителя, дал короткую автоматную очередь в воздух.

Нарушитель бросился было назад, в лес, но оттуда уже выбегали Туман с Чашкиным и капитан Багиров.

И тут, понимая, что всё кончено, нарушитель молча бросился на Малахова.

Коротким ударом он сбил Малахова с ног, и, наверно, плохо пришлось бы Малахову, если бы не Туман.

По команде Чашкина Туман бросился Малахову на помощь.

— Сдаюсь! — сразу закричал нарушитель, потому что драться с Туманом было просто бессмысленно.

Туман никогда никого не боялся и никогда ни перед кем не отступал.

Нарушитель понял это прекрасно.

Когда нарушителя обыскали и караулить его был назначен Туман, все бросились к Малахову.

— Ну как ты, живой? — обеспокоенно спрашивали Сидоров с Петровым.

— Давай помогу встать, — предлагал Чашкин.

— Какой молодец! — восхищённо говорил капитан Багиров.

И Малахов всем шёпотом отвечал:

— Ничего. Спасибо. Живой.

И, потирая ушибленную спину, щупал, здорово ли разбита скула, и удивлялся, почему так трудно дышать животом.

В общем, Малахову здорово досталось, хотя Малахов и не хотел признаваться в этом.

— Надо посмотреть, — сказал Сидоров, — что делают сейчас те четверо...

— Которые нарушителя поджидали, — пояснил Петров. — Мы вам про них говорили.

— Сейчас посмотрим, — сказал Багиров.

Пограничники зашли в укрытие и заглянули в стереотрубу.

Четверо уже уезжали. Они услышали выстрелы и поняли, что тот, кого они ждут, не придёт. А курить в кустах им уже не хотелось.

ОБЕД

Во время обеда в столовую вошёл капитан Багиров и поздравил всех молодых солдат с первым настоящим нарушителем.

— Я всегда говорил, — сказал капитан Багиров, — что казаки-разбойники — хорошая игра. Вчера игра, позавчера игра, а сегодня всё получилось по-настоящему. Мне только не совсем понятно, почему рядовой Малахов повёл нарушителя на седьмой пост...

— А у меня с самого начала было такое задание: выйти на седьмой пост. Вот я и вышел... И потом, на карте у нарушителя седьмой пост был не обозначен...

— Да, но одиннадцатый пост у него тоже не был обозначен, — возразил любопытный капитан Багиров.

И тут Малахов смутился.

— Я хотел, — сказал он, — чтобы этого нарушителя вместе со мной задержали мои друзья, Сидоров и Петров... Сегодня утром я получил из дома посылку: колбасу. Но, к сожалению, колбасы им не досталось. И я решил хоть чем-то порадовать их... Вот как всё было.

Услышав это, капитан Багиров засмеялся, пожелал всем хорошего аппетита и вышел из столовой.

Так закончилась история про неизвестного в клеточку.

Две посылки для Васи. Рассказ

МИШИН ДЕДУШКА ЕДЕТ ЗА ГРИБАМИ

Дедушка у Миши был капитаном. Летом он уходил в море ловить рыбу, а зимой возвращался и рассказывал истории, какие с ним были и которых не было.

И про то, как ловят рыбу.

И про селёдку с длинными ушами.

И про то, как однажды он проглотил во сне якорь.

— Всё бы ничего, — рассказывал дедушка, — и с якорем, как ты понимаешь, жить можно, но вот кораблю без якоря никак нельзя: вдруг шторм? Что тогда делать? Очень я тогда огорчился...

Но однажды дедушка не ушёл в море.

Повесил на гвоздь свою фуражку и сказал Мише:

— Ну, всё. Завтра мы с тобой отправляемся за грибами. Я давно собирался это сделать, и теперь, когда вышел на пенсию, а мой корабль ведёт другой человек, я обязательно сделаю это.

— А ты разве вышел на пенсию? — удивился Миша.

— Здравствуйте, — сказал дедушка. — А почему же я тогда еду за грибами?

И на завтра они действительно поехали за грибами.

ПРО ЦЫПЛЕНКА, ИЗ КОТОРОГО ПОЛУЧИЛСЯ ДЯТЕЛ

В автобусе, как установил Миша, все тоже ехали за грибами: и бухгалтер, который сидел у окна и уступил Мише место, и высокий мужчина в болотных сапогах и клеёнчатом, как у мясника, фартуке.

— Фартук для того, — пояснил мужчина, — чтобы, лёжа на животе, вытаскивать из-под ёлочек белые грибочки.

И молодой человек, который, как оказалось, был скрипачом и однажды собирал грибы — это все видели — в футляр из-под скрипки.

— Это потому, — объяснил молодой человек, — что корзины у меня не было.
— А скрипку вы куда дели? — спросил Миша.
— Носил под мышкой. А иногда играл. Я ведь там не один был. С певцом. Он пел, а я играл.

Лишь три человека, как установил Миша, за грибами не ехали.
Это мужчина в фетровой шляпе, который всю дорогу спал и вообще неизвестно, куда ехал.

Солдат с медалью «За отвагу на пожаре» (он направлялся домой в отпуск).

И женщина с белым эмалированным ведром, на котором было написано «Вода», но которое предназначалось для сбора брусники.

— Но вообще-то сейчас там цыплята, — сказала женщина.

— Цыплята?! — не поверил Миша.

И вместе с солдатом заглянул в ведро. И увидел цыплят, которые сладко спали, совсем как мужчина в фетровой шляпе.

— Это что! — сказал солдат. — Вот у нас были цыплята, так цыплята...

— Где у вас? — спросила женщина, полагая, что солдат работает на военной птицефабрике.

— У нас, в армии.

— А у вас в армии разве есть цыплята?

— По крайней мере, были. До последнего времени. У нашего старшины.

— А что с ними случилось? — спросила женщина (судя по всему, она собиралась перенять опыт).

— Ничего, — сказал солдат. — Просто однажды наш старшина — я вам потом покажу его фотографию — накормил свою курицу по ошибке не отрубями, а опилками, и курице это так понравилось, что ничего другого она не желала есть. И спустя некоторое время снесла десять яиц...

— Ну и что? — спросила женщина. — Все курицы рано или поздно начинают нести яйца.

— Смотря какие яйца! — сказал солдат. — У нашей курицы, например, только из девяти яиц получились цыплята, а из десятого яйца, можете мне не верить, получился дятел!.. Так ему понравились опилки...

Женщина и скрипач засмеялись, дедушка и бухгалтер хмыкнули, а Миша сказал:

— Это вы всё придумали. Из курицы не может получиться дятел...

— Верно, — сказал солдат, — придумал. Но надо ведь как-то скоротать время. Вот если бы у тебя были шашки...

Шашек у Миши не было. Он их хотел взять с собой, но дедушка сказал, что они громыхать будут.

— А за что вам медаль дали? — спросил Миша.

Он давно хотел задать этот вопрос и теперь, решив, что необходимый контакт налажен, задал.

— Если говорить честно, то за отвагу на пожаре. А если говорить точно, — тут солдат понизил голос, — то никакого пожара и не было: потушил — и всё.

БУХГАЛТЕР ПОДСЧИТЫВАЕТ УБЫТКИ

— То есть как не было? — услышав это, спросил бухгалтер и строго посмотрел на солдата. — Если не ошибаюсь, это вы тушили пожар в лесном порту?

— Я, — сказал солдат. — А вы откуда знаете?

— И медаль вам вручал лично генерал Афанасьев в присутствии самого начальника порта?

— Да, — снова сказал солдат. — Но откуда вы это знаете?!

— А оттуда, что я отмывал на вас сажу после пожара.

— Ой... верно! — сказал солдат.

Все засмеялись, а солдат бросился к бухгалтеру пожимать руки.

— Ну-с, — сказал бухгалтер, после того как они пожали друг другу руки, — а теперь подсчитаем, молодой человек, убытки... — Он полез в карман и достал оттуда дорожные счёты. — Что такое лесной порт — это, я полагаю, вы все знаете: место, куда приходят наши и иностранные корабли за брёвнами и разными строительными досками... В тот день мы отгрузили две машины досок для танковой дивизии... В порядке шефской помощи... — И бухгалтер щёлкнул костяшками.

— Это я за досками приезжал, — пояснил солдат. — Только приехал, и...

— И случился пожар. И вы этот пожар вместе с другими солдатами потушили. А теперь, — тут бухгалтер ловко и энергично сдвинул на затылок свою панаму, — будем считать так. Каждая несгоревшая доска стоит в среднем четыре рубля ноль пять копеек. В тот день в порту лежало... дайте-ка сообразить... ага, вспомнил: один миллион триста сорок тысяч досок... — И, прежде чем Миша успел глазом моргнуть, бухгалтер быстро-быстро изобразил всё это на счётах. — Спрашивается, какой убыток понесло бы государство, если бы солдаты не потушили пожар. А?

— Пять миллионов триста шестьдесят тысяч! — быстро за всех сообразил дедушка.

— Вот! — торжественно сказал бухгалтер. — А вы говорите: ничего не было! Бухгалтерия — наука точная...

— Ну и ну! — только и сказал солдат. — Пять миллионов триста шестьдесят тысяч?! Никогда бы не поверил...

И, отцепив медаль, дал посмотреть её Мише.

На одной стороне Миша увидел переkreщенные ключ и молоточек, а на другой... На другой стороне пожарный в каске выносил из огня ребёнка.

— Самая хорошая сторона — вот эта, — сказал Миша.

И все, кто были в автобусе, согласились с ним.

— А фотография где? — с сожалением отдавая медаль обратно, спросил Миша.

— Какая фотография?

— Вашего старшины.

— А-а, — сказал солдат и вытащил из бумажника фотографию.

И Миша прежде всего увидел танк, потом дуло от танка, а потом человека в танкистском шлеме.

— «Мо-е-му бо-е-во-му дру-гу Ва-си-ли-ю, — прочитал по складам Миша, — от е-го бо-е-во-го дру-га Е-ли-се-я...» Какому другу? От какого Елисея?

— Моему другу от его друга, — сказал солдат.

А потом подумал и сказал:

— Нет, не так. Ты меня совершенно запутал... — И он взял фотографию, чтобы разобраться. — Тут же ясно написано: мой боевой друг Елисей дарит мне свою фотографию. Короче, это я боевой друг, и это он мне дарит свою фотографию. А меня зовут Василий.

О БОЕВЫХ ДРУЗЬЯХ

Тут все заговорили о боевых друзьях, и оказалось, у дедушки был боевой друг, и у бухгалтера тоже, не говоря уж про солдата Васю.

Впрочем, заявлению бухгалтера Миша не сразу поверил: одно дело — быстро считать на

счётах, а другое — иметь боевых друзей.

Поскольку всем хотелось рассказать о боевых друзьях, бухгалтер счёл нужным установить очередь.

— Будем в порядке очереди, — сказал он. — Сначала вы, потом я... Я такую историю знаю...

— Смешную? — не очень надеясь, спросил Миша.

— Смешную. Да.

И так как Миша, сам того не ожидая, заранее стал хохотать, бухгалтер сказал:

— Дайте ему яблоко.

Мише дали яблоко, и дедушка начал:

— Да будет вам известно, уважаемые граждане, во время войны я служил...

— На линкоре, да? — Миша даже перестал есть яблоко.

Он уже представил себе, как дедушка стоит на линкоре, кругом рвутся снаряды, а дедушка командует: «Носовое орудие, пли!» И ещё: «Лево руля!».

— Нет, — сказал дедушка, — во время войны я не был моряком. Во время войны я был в пехоте. 'И вместе со мной служил мой друг Борис Пирогов...

— Дядя Боря! — ахнул Миша.

Он хорошо знал дедушкиного приятеля, они неоднократно играли с ним в шашки, но он никогда не думал, что дядя Боря воевал с дедушкой вместе.

— Вместе, — подтвердил дедушка. — Только тогда мы были моложе... Так ваг, однажды дядя Борис подбил из винтовки самолёт. Пролетал над нашими позициями фашистский самолёт, а дядя Борис разозлился и выстрелил... Назавтра вызывают его в штаб и говорят: «Расскажите, как это было». Смотрит дядя Боря, а в штабе сидит женщина из военной газеты, которая должна про него заметку писать. «А я и сам не знаю, — отвечает он, — как это было. Летел фашистский самолёт. Ах, думаю...

Разозлился и выстрелил. А он взял да и упал. Вот как это было...» — «Но всё-таки, — спрашивает женщина, — как это было?» А дядя Борис опять своё (не может он сказать, как это было): «Летел самолёт...» Так по сей день никто, кроме дяди Бори, не знает, как это было...

— Да всё просто было! Летел самолёт... — начал Миша.

— Верно, — сказал дедушка.

Все засмеялись, а бухгалтер сказал:

— Это только сидя в автобусе кажется — всё просто было, а на самом деле... — Бухгалтер покачал головой. — Во время войны я тоже служил в пехоте, так что примерно знаю, каково было: когда тебя обстреливает вражеский самолёт, не то что из винтовки стрелять — голову поднять страшно...

Так вот, служил я тогда в полковой разведке.

«Он был разведчиком?! — ахнул про себя Миша. — Тогда почему же он ходит в бабушкиной панаме?»

— Однажды вернулись мы из разведки, доложили командирам, где у фашистов стоят пушки, где танки, и отправились отдыхать: ведь три ночи в разведке не спали. А когда выспались, утром следующего дня отправились на речку стирать портянки.

Вдруг видим: останавливаются неподалёку четыре машины, и на каждой какие-то плоские длинные ящики — по одному на машину, и каждый ящик завёрнут в брезент.

— Ну, — говорит мой друг Гриша Каблуков (это мы с ним ходили в разведку), — ты — разведчик. Скажи, что это такое?

И показывает на машины.

И хотя я разведчик, я говорю:

— Не знаю, что это такое. Никогда таких ящиков не видел.

— Да ведь это понтоны, — поясняет Гриша Каблуков. — И если их привезли, не сегодня завтра будет наступление. Наладят эти самые понтоны через речку, и пехота с танками пойдёт по ним, как по мосту...

Ну, это-то я и без Гриши знаю.

Короче, снимаем мы портянки и собираемся стирать. И в это время к нам подходит молоденький лейтенант (он в одной из этих машин приехал) и говорит:

— Привет, ребята!

Мы говорим:

— Привет.

— Что, — спрашивает. — стирать собираетесь?

Мы говорим:

— Собираемся. Ходили в разведку, три дня там проторчали, а теперь заслуженно отдыхаем.

— Не стирайте, — говорит лейтенант, — высушить не успеете. Скоро тут такое начнётся...

И смотрит на часы.

— Ясно, — говорит Гриша, — что начнётся. Наступление. Для этого и понтоны привезли.

— Какие понтоны? — спрашивает лейтенант.

— Вот, — говорит Гриша и показывает на машины.

И тут вдруг лейтенант начинает смеяться.

— Ох, — говорит, — уморили... Понтоны!..

И вдруг как командует:

— Батарея, к бою!

Выскакивают тут из машин солдаты, срывают брезент с этих самых «понтонов», и мы видим, что это вовсе не понтоны: какие-то рельсы не рельсы — что-то странное, установленное на машинах.

— Что это? — удивлённо говорит Гриша.

А лейтенант командует:

— По фашистским захватчикам, батарея... огонь!

И над нашими головами с воем и грохотом проносится лавина огня. А мы, бывалые разведчики, падаем наземь и старательно затыкаем уши руками...

Можете представить себе, что почувствовали фашисты, когда обрушился на них этот шквал огня.

— А что это было? — спросил Миша.

— «Катюши». Знаменитые реактивные «катюши». И стреляли они по целям, о которых мы с Гришей узнали в разведке... Вон сколько лет с тех пор прошло, а мы с Гришей этот день помним. Да и как забыть, когда именно в тот день на нашем участке фронта впервые произвели свой залп знаменитые ныне «катюши»...

Бухгалтер замолчал, и Миша с уважением посмотрел на него. Теперь даже панاما бухгалтера казалась Мише ужасно боевой.

КАК МИШИН ДЕДУШКА И СОЛДАТ ВАСЯ ПОЧИНИЛИ МАШИНУ

Только все обсудили услышанное, а скрипач сказал, что он тоже кое-что про своего дедушку знает, и если пассажиры не возражают, то он может рассказать, как вдруг автобус чихнул, потом фыркнул, потом вдруг остановился — и шофёр, обернувшись, сказал:

— Ну, всё. Сломались.

— То есть как сломались? — спросил дедушка и решительно поправил свою капитанскую фуражку. — Когда мой корабль выходил в море...

— То море, — сказал шофёр, — а тут вон какая дорога...

Он вылез из кабины и принялся бегать вокруг автобуса.

— А что он бегаёт вокруг автобуса? — спросил дедушка.

— Молодой ещё, вот и бегаёт, — сказал мужчина в фартуке.

— Поломку ищет, — пояснила женщина (она думала, что никто, кроме неё, об этом не догадывается).

— А что же он не там её ищет? — спросил дедушка. — Ведь каждому ясно: сломался бензонасос!

Все с уважением посмотрели на дедушку, а он снял с головы свою капитанскую фуражку, протянул её Мише, сказал:

— Подержи.

И вышел из автобуса.

Тут и солдат Вася снял с головы свою фуражку, сказал Мише:

— Подержи.

И тоже вышел из автобуса.

И все в автобусе разом облегчённо вздохнули, потому что никто не умел чинить автобусы, но всем хотелось верить, что это умеют Мишин дедушка и солдат Вася.

— Жалко, что я не умею чинить автобусы, — сказал скрипач и задумчиво взял свою скрипку. — Единственное, что я умею, это играть на скрипке... Но может, моё присутствие поможет им?

И он, взяв свою скрипку, вышел из автобуса.

Тут разом поднялись мужчина в фартуке и женщина с ведром.

— Я пекарь, — сказал мужчина в фартуке. — И умею печь булочки. Это вряд ли пригодится им сейчас, но... — Он не договорил и шагнул из автобуса.

— А может, там надо подмести что-нибудь или убрать? — крикнула ему вслед женщина и тоже вышла из автобуса.

И скоро в автобусе остались Миша, бухгалтер и человек в шляпе, который к этому времени проснулся.

— Что случилось? — проснувшись, спросил человек в шляпе.

— Сломался автобус, — пояснил Миша. — И хотя я тоже не умею чинить автобусы, у меня есть винтик, который может им пригодиться.

— Вполне возможно, — сказал бухгалтер. — Никогда заранее не знаешь, что пригодится...

И вместе с Мишей вышел из автобуса.

— А я что? — спросил себя человек в шляпе.

И, наступив себе на ногу, тоже вышел из автобуса.

— Здравствуйте, — сказал он всем.

Все засмеялись и ответили:

— Здравствуйте...

А скрипач спросил:

— Выспались, да?

— Выспался, — приветливо сказал человек в шляпе и принялся смотреть на шофёра, дедушку и солдата Васю, чьи ноги торчали из-под автобуса.

— Сломался не бензонасос, — слышалось из-под автобуса.

— А я тебе говорю — бензонасос. Мы на этом деле собаку съели... Капитан водил корабли, а я — танки...

— А вы долго там будете? — спросил Миша, так как ему не терпелось пристроить свой винтик.

— А вот сейчас отвинтим и...

Тут они все трое показались из-под автобуса, и у шофёра была в руках какая-то металлическая штука.

— Это и есть бензонасос? — спросил молодой человек со скрипкой и подошёл ближе, чтобы рассмотреть.

И все остальные подошли ближе.

— Оно разбирается?

— Разбирается, — ответил шофёр.

И вдруг все увидели, что лицо у шофёра вытягивается. Он говорит:

— Вы правы: сломался бензонасос, прокладки прорвались...

— Это не так страшно, — сказала женщина. — Если прорвались, можно заштопать.

И торжествующе оглядела мужчин, которые не разбирались в технике.

— Заштопать... Тут нужны новые, а где я их возьму? — спросил шофёр.

Но тут все увидели, что солдат Вася достаёт из кармана нож.

И Мишин дедушка тоже достаёт из своего кармана нож.

И оба они, солдат и дедушка, не сговариваясь, отрезают каждый по одному голенищу от своих сапог.

— Да что вы делаете?! — ахнула женщина.

В одном целом и одном отрезанном сапоге солдат с дедушкой стали похожи на пиратов: только дедушка на самого главного, а солдат Вася — на первого его помощника...

— Прокладки будем делать, — пояснил дедушка.

— Для бензонасоса, — пояснил солдат.

А шофёр, сильно расстроенный, сказал:

— Эх! Это я во всём виноват!.. Из-за меня всё получилось!..

И прислонился к автобусу.

И тут все увидели, что скрипач кладёт на траву свою скрипку и начинает снимать с себя замшевые ботинки.

— Да вы-то что делаете? — закричали ему.

— Прокладки! — отвечал скрипач. — Прокладки буду делать!

С великим трудом удалось дедушке и солдату отговорить его.

— Не подойдут для насоса замшевые ботинки, — сказали они. — Быстро прорвутся.

Затем дедушка и солдат вырезали из бывших своих сапог круглые прокладки — каждую величиной с блюдце, и шофёр собрал бензонасос.

ДЕДУШКА НЕ УСПЕВАЕТ ОСТАНОВИТЬ ВАСЮ

Тут все снова сели в автобус, шофёр энергично включил зажигание, потом энергично нажал на педали, потом снова попытался включить зажигание...

— Что же мы теперь не едем? — тревожно спросила женщина.

Все посмотрели на шофёра, а шофёр сказал:

— Не знаю!

— А кто знает? — спросил дедушка. — Когда мой корабль выходил в море...

— То море, — чуть не плача, сказал шофёр, — а тут вон какая дорога!..

И он снова принялся нажимать на все рычаги и педали, а потом выскочил из автобуса, обежал его зачем-то несколько раз и под конец пнул ногой, не очень сильно.

— А может, у тебя что-нибудь с распределителем зажигания? — сочувственно спросил солдат Вася.

Со страшным грохотом шофёр открыл крышку капота и заглянул в мотор.

— Пойду тоже посмотрю, — сказал солдат Вася.

На некоторое время в автобусе установилась тревожная тишина.

Первым нарушил её пекарь.

— Когда я пеку булки, — сказал он, — я прежде всего проверяю, исправна ли печка.

Если бы я это не проверял, какие бы у меня получались булки?..

И он оглядел всех, предлагая разгадать эту загадку.

— Чёрствые, — сообразил Миша.

— Но я всегда работаю на исправной печке.

Тут заговорила женщина:

— Не знаю, как вы, а я работаю в школе: даю звонок. И от моего звонка зависит, как долго будут продолжаться уроки. Но я люблю детей и всегда проверяю звонок.

— И правильно делаете, — сказал скрипач. — Я тоже всегда проверяю свою скрипку перед концертом...

И тут все увидели, что солдат Вася молча отрезает (!) от своей военной (!!) фуражки (!!!) козырёк (НМ).

— Стой! — закричал дедушка. — Отрезай от моей фуражки!

Но было поздно: солдат Вася, посмеиваясь, уже вырезал из своего козырька узкую планочку, прикрутил её изоляционной лентой к какой-то штуке, похожей на кусок сургуча, отдал шофёру, и шофёр снова нырнул под капот.

— Эх, — горестно вздохнул дедушка, — надо было ему взять мою фуражку, я человек старый, могу ходить без козырька, а он — человек военный и не может ходить без козырька!

— Зачем же... зачем тогда он это сделал? — спросил Миша.

— Что — зачем? Отрезал козырёк? А чтоб починить ту штуку, иначе бы мы отсюда не уехали.

— Тогда ему надо купить новую шапку! — сказал Миша.

Все тут же одобрили эту идею, только человек в шляпе сказал:

— Что такое шапка? Надо сделать совсем по-другому...

— Как — по-другому? — спросили все.

Уж очень непонятно человек в шляпе выразился.

Но тут в автобус вошёл солдат Вася, и человек в шляпе вместо ответа загадочно улыбнулся.

ТРИ РАССКАЗА О НАХОДЧИВЫХ ЛЮДЯХ

Автобус послушно бежал по просёлочной дороге, и все пассажиры наперебой приглашали солдата Васю в гости: во-первых, потому, что он прекрасный человек, а во-вторых, потому, что во имя общего дела расстался он с одним голенищем и козырьком от фуражки.

— Я хочу пригласить вас на свой концерт, — говорил скрипач. — Приходите в пятницу, я буду ждать вас у главного входа.

— Спасибо, — отвечал Вася.

А женщина сказала, что, кроме всего прочего, Вася ещё и находчивый человек: ведь никто первый не догадался, что машину можно починить с помощью фуражки, а он догадался...

И все сразу заговорили о находчивых людях и какие истории с ними были.

Сначала сказал дедушка:

— Самые находчивые люди — это моряки. И я докажу вам это. Однажды один мой знакомый капитан рыболовного траулера знает, что сделал в шторм?..

— Что? — спросил Миша.

— Бросил якорь? — спросил солдат Вася.

— Приказал: «Спасайся, кто может!»? — предположил бухгалтер.

— Или повёл корабль к пристани? — спросила женщина.

— Я знаю — что, — сказал скрипач. — Он подал в эфир сигнал бедствия!

— Нет, — сказал дедушка. — Он вылил за борт двадцать бочек рыбьего жира, и море тут же успокоилось!..

Все похвалили находчивого капитана, а человек в шляпе сказал:

— Разумеется, вы ничего не слышали про находчивого портного, хотя должен сказать честно: все портные ежедневно должны быть находчивыми людьми!..

— То есть как это? — спросил Миша.

— А так. Приходит ко мне, например, бухгалтер, довольно полный человек. Что я ему буду шить? Однобортный костюм серого цвета, полы пиджака несколько закруглю, застёжку опущу пониже, а брюки сделаю не широкими, не узкими — средней ширины. Что же в таком случае шить художавому дедушке-капитану? А вот что: двубортный строгий костюм цвета морской волны... И, наконец, приходит солдат Вася... Ему мы сошьём современный модный костюм...

— В клеточку, — сказал Вася.

— Можно и в клеточку...

И все согласились, что портные тоже находчивые и изобретательные люди.

И тут заговорил Вася:

— Среди танкистов тоже попадаются находчивые люди. Возьмите, например, нашего старшину... Вы знаете, что он придумал?

— Нет, — сказали все.

— Во время учений мы переправлялись через речку по деревянному мосту. И этот мост вместе с нашим танком обвалился, и наш танк встал на башню — гусеницами вверх...

— Ой! — сказал Миша.

— И вы знаете, что предложил старшина, когда мы вылезли, немного оглушённые, из танка? Он предложил всей колонне идти по нашему перевёрнутому танку, как по мосту!..

Тут уж стало абсолютно ясно, что в любой профессии есть находчивые люди и без таких людей никак нельзя.

САМОЕ ГРИБНОЕ МЕСТО

Потом все вспомнили, что, собственно говоря, едут они за грибами, и заговорили о грибах, начали прикидывать, кто сколько наберёт, а Мишин дедушка сказал:

— В прошлом году мне говорили, что самые грибные места в Белоруссии. Но я не очень этому верю. Самое грибное место там, где ты собираешь грибы.

— Верно, — подтвердил бухгалтер. — Я ещё ни разу не возвращался из леса с пустой корзиной...

— Что корзина! — сказал мужчина в фартуке. — Я знаю такое место, что вы можете подъехать к этому месту в спальном вагоне и весь вагон загрузить грибами!..

— Где это? — сразу спросили все.

А человек в шляпе незаметно достал карту, собираясь отметить новое грибное место на карте.

— А у вас что, есть спальный вагон? — И мужчина в фартуке стал ехидно хихикать.

И все поняли, что никакого места он не знает.

Тогда заговорил дедушка. Он поправил свою капитанскую фуражку (солдат Вася тоже хотел поправить свою, но вовремя вспомнил, что у него нет козырька).

— А ведь я знаю такое место, — сказал дедушка. — И это абсолютно честно. До пенсии я плавал по Белому морю. Ходил за селёдкой. И есть на Белом море такие островки, что сплошь усеяны белыми грибами. И если бы я захотел, я бы мог весь свой корабль вместо селёдки набить белыми грибами.

— А что же вы не захотели? — расстроено спросил мужчина в фартуке.

А человек в шляпе не нашёл на своей карте Белого моря, разочаровался и карту убрал.

— Потому что я ходил в море за селёдкой, а не за грибами.

И дедушка, дав понять, что вопрос исчерпан, принялся читать газету.

Тогда заговорила женщина с ведром:

— Очень трудно установить самое грибное место. Вот я, например, всё знаю про бруснику...

Она, видимо, собиралась прочитать лекцию о бруснике, но тут автобус вдруг чихнул, потом фыркнул, потом вдруг остановился.

— Что, опять сломались?! — спросил дедушка.
А солдат Вася испуганно взялся за свой ремень.
— Нет, — улыбнулся шофёр, — на этот раз нет. На этот раз приехали.
И все увидели, что автобус действительно приехал в посёлок.

МАМА НЕ УЗНАЕТ СОЛДАТА ВАСЮ, А ПАТРУЛЬ СОЛДАТА ВАСЮ УЗНАЕТ

Пока все выходили из автобуса, человек в шляпе достал из кармана длинную тесёмку и стал обмерять Васину голову.

— Зачем это? — послушно спросил Вася.

— Надо, — загадочно ответил человек в шляпе.

И тут же спрятал тесёмочку с размером Васиной головы в карман.

И все решили, что какой-то он очень странный, этот человек в шляпе.

Наконец и Вася вышел из автобуса.

И сразу увидел свою маму, которая стояла в толпе и глазами отыскивала своего сына.

— Мама! — закричал солдат Вася. — Вот же я! Приехал, как и обещал, в отпуск!

И тут мама узнала своего сына по голосу. Да и как ей было его узнать иначе, если он уходил в армию худенький, в ватнике, а приехал в отпуск возмужавшим, с медалью, в фуражке без козырька и в одном сапоге.

— Вася! — ахнула мама.

И побежала к сыну, а Вася степенно пошёл навстречу ей.

— Вот и встретились, — сказал дедушка.

— Да-а... хорошо быть мамой, — сказал бухгалтер.

И все пассажиры стали прощаться.

И человек в шляпе уже пошёл было в сторону, а скрипач направился к другому автобусу (ему надо было ехать в самую дальнюю деревню), как вдруг все услышали чей-то громкий голос:

— Товарищ солдат в одном сапоге, прошу подойти ко мне!

И все увидели военный патруль — двух солдат и офицера с повязкой, которые стояли посреди площади и, в отличие от Васиной мамы, сразу узнали Васю и подозвали его к себе.

— Почему в таком виде? — спросил офицер, когда солдат Вася доложил ему, что прибыл.

Мама страшно перепугалась за Васю, а Вася смущённо переминался в одном сапоге и молчал.

— Вы откуда приехали? — спросил офицер. — Вы что, не знаете, что солдат должен ходить в двух сапогах и в одном козырьке?

«Знаю», — хотел сказать Вася, но не успел, так как все пассажиры бросились к офицеру, а впереди всех — шофёр, который издали уже кричал:

— Он чинил автобус! Тут многие чинили автобус! Этот гражданин тоже в одном сапоге!

И запыхавшийся дедушка, подбежав, сказал:

— Да.

— Что — да? — козырнув всей этой разношёрстной толпе, спросил офицер.

И все пассажиры начали объяснять ему, как это было.

— Очень хорошо, — выслушав и подумав, сказал офицер и обратился к смущённому Васе: — Можете идти, вы всё правильно сделали, солдат. А вам, мамаша, разрешите сказать большое офицерское спасибо за такого хорошего сына... — И офицер отдал честь Васиной

маме.

— Да что уж там, — сказала мама.

И все стали благодарить её за такого сына.

— Я думаю, будет правильно, если мы все сейчас напишем письмо... — сказал дедушка.

— Куда? — спросил Миша.

— Кому? — спросил скрипач.

— Командиру воинской части, где служит Вася. Пусть он узнает, как чинил автобус его солдат Вася.

— Верно! — сказал офицер.

И все — офицер, дедушка, бухгалтер, скрипач, женщина с ведром, мужчина в фартуке и человек в шляпе — отправились к начальнику автобусной станции писать письмо.

ЧТО НАПИСАЛИ В ПИСЬМЕ

Командиру воинской части, где служит солдат Вася, от пассажиров и шофёра автобуса № 303.

Находясь в безвыходном положении (дважды сломался автобус), мы были выручены солдатом Вашей части, которого все называли Васей.

Один раз пожертвовав сапогом, а другой раз пожертвовав козырьком, Ваш солдат починил автобус.

Выражаем благодарность ему и Вам.

По поручению пассажиров автобуса № 303 шофёр, дедушка, бухгалтер и мальчик Миша.

Всего 23 подписи.

— Очень хорошее письмо, — прочитав его вслух, сказал дедушка.

— А главное, — одобрил скрипач, — короткое и толковое.

Все остальные тоже одобрили письмо, а потом вложили в конверт и опустили в почтовый ящик.

— Ну, вот и всё, — сказал дедушка.

И пассажиры стали прощаться.

ДВЕ ПОСЫЛКИ СОЛДАТУ ВАСЕ

Через несколько дней солдат Вася получил несколько писем и две небольшие посылки.

Письма были от дедушки, бухгалтера и мужчины в фартуке: они приглашали Васю к себе в гости.

Скрипач прислал два билета на концерт.

А женщина — на память свою фотографию.

«Пожалуй, я пойду на концерт», — разглядывая фотографию, подумал солдат Вася.

Что касалось посылки, то в одной были сапоги (взамен прежних — от шофёра), а в другой лежала новенькая фуражка.

«Так вот зачем он обмерял мою голову!» — подумал солдат Вася и решил, что человек в шляпе не такой уж и странный человек.

Эту фуражку, — писал человек в шляпе, — я сделал для вас. Обратите внимание на козырёк. Думаю, она вам понравится. Остаюсь с уважением.

Человек в шляпе.

Музыкантские истории. Повесть

Перед вами несколько историй о капитане Насибулине. Свидетелем одних был я сам, историю о тыквочке мне рассказали другие.

Часто читатели спрашивают: какой процент правды заключён в том или ином художественном произведении?

Отвечу так: обычно не менее ста — ста двадцати процентов.

И это справедливо для большинства приводимых здесь рассказов. Для большинства, но не для «Тыквочки».

В «Тыквочке» — и это читатель поймёт сразу — присутствует процентов семьдесят пусть самого правдивого, но всё-таки сказочного доммысла... Будем надеяться, реальный капитан Насибулин за это на нас не обидится.

ЗНАКОМСТВО С КАПИТАНОМ НАСИБУЛИНЫМ

1

Меня вызвал недавно назначенный к нам в округ начальник по культурно-массовой работе и сказал:

— Разберитесь вы с этими музыкантами. Особое внимание обратите на парашютно-десантный полк. Вернее, на его оркестр. Разумеется, другие оркестры тоже время от времени что-нибудь просят, но ведь не столько же?.. Смотрите сами: в прошлом месяце вы отпустили им десять валторн. Хорошо. Допустим. Хотя, на мой взгляд,

полковому оркестру достаточно и двух валторн. Теперь они требуют сорок три балалайки. Зачем духовому оркестру сорок три балалайки?.. В обоих случаях заявка подписана неким капитаном... На-си-бу-линым. Кстати, сами-то вы играете на каком-нибудь инструменте?

— Да, — сказал я, — на валторне.

— Вот и поезжайте, выясните: зачем им столько валторн, куда идут балалайки и так далее.

Я уехал. Вернулся через несколько дней, доложил, что всё в порядке, заявка оформлена по всем правилам, никаких финансовых или иных нарушений нет. Балалайки можно отпускать.

Парашютно-десантному полку были отгружены сорок три балалайки.

Однако через месяц пришла новая заявка. На этот раз им требовались кларнеты. Десять штук. Заявка вновь была подписана капитаном Насибулиным.

Начальник управления собрал нас всех и сказал:

— Товарищи офицеры! Только что из парашютно-десантного полка поступила очередная заявка. На этот раз на кларнеты. Не хочу заранее никого обижать, но, мне кажется, предыдущий проверяющий в чём-то не разобрался. Обычному полковому оркестру за глаза достаточно двух кларнетов. Есть у нас кто-нибудь ещё разбирающийся в музыкальных инструментах?..

Руку поднял мой друг капитан Осипенко.

— На чём вы играете? — спросил наш начальник.

— На кларнете.

Начальник несколько удивился, внимательно глянул на Осипенко, но потом пожал плечами и сказал:

— Хорошо. Поезжайте.

Осипенко уехал. Вернулся через несколько дней, доложил, что всё в порядке, заявка оформлена правильно, никаких финансовых или иных нарушений нет.

И в адрес парашютно-десантного полка были отправлены десять кларнетов.

Ещё через два месяца, когда наш начальник, вероятно, уже начал думать, что незнакомый ему капитан Насибулин наконец успокоился, из того же парашютно-десантного полка пришла новая заявка. На этот раз им требовались сорок три гармоники.

И я, и другие офицеры искренне сочувствовали нашему начальнику. И всё-таки больше нас занимало другое: что он на этот раз станет делать.

Он вновь собрал нас всех и сказал:

— Товарищи офицеры! Не буду говорить о том, что из парашютно-десантного полка поступила очередная заявка. Я полагаю, все вы уже об этом знаете. Теперь они требуют от нас сорок три гармошки.

— Товарищ полковник, — мгновенно поднял руку майор Гаврилов, — извините, что я вас перебиваю, но точнее говорить не «гармошка», а «гармоника», в крайнем случае «гармонь».

Уверен, именно в этот момент у нашего начальника мелькнула первая, ещё неосознанная догадка.

— А на каком инструменте вы играете? — с любопытством спросил он.

— На гармонике, — ответил майор Гаврилов.

Тут начальник цепко оглядел всех нас и быстро спросил:

— А ну-ка поднимите руки, кто еще на чём играет?..

Поднялся лес рук.

— Спасибо. Руки можете опустить. На этот раз в парашютно-десантный полк поеду я сам. Разумеется, я хуже вас разбираюсь в музыке, потому что ни на валторне, ни на кларнете, ни на ином инструменте, за исключением пионерского барабана, никогда не играл. Но думаю, моей квалификации окажется достаточно. Сопровождать меня будет лейтенант... — И он назвал мою фамилию. — Предупреждаю: если обнаружу какое-нибудь упущение, всем предыдущим проверяющим будет несдобровать.

Не знаю, почему для этой поездки он выбрал именно меня, — за всю дорогу мы практически не проронили ни слова. Лишь когда подъезжали к конечной станции, он (через сутки!) вдруг спросил, где я служил до работы в управлении.

Я честно сказал, что служил в этом парашютно-десантном полку начальником клуба.

Он кивнул.

2

На вокзале нас ждала машина. Рядом с ней прохаживался мой бывший командир — командир парашютно-десантного полка полковник Яковенко. Он был в папаше, при орденах, в начищенных до блеска хромовых сапогах. Вид у него был лихой по-казацки.

Я понял: капитана Насибулина в обиду он не даст.

Самого капитана нигде не было. Вероятно, когда я позвонил в полк и сказал, что мы едем, капитана на всякий случай куда-то спрятали.

Мой начальник и командир полка пожали друг другу руки, с ходу подсчитали количество общих знакомых.

Получалось: и тот, и другой служили всё время рядом, но ни разу не встречались.

— Зато теперь встретились, — гостеприимно сказал Яковенко. — И это хорошо.

От машины полковники отказались, решили пройтись по осенним улицам, подышать свежим воздухом, благо полк находился не так далеко от вокзала. Мне предстояло пройтись с ними.

Некоторое время мы шли молча. Полковники — чуть впереди, я — несколько сзади.

— Скажите, Валентин Яковлевич, — обратился наконец мой начальник к полковнику Яковенко, — скажите как на духу: что представляет собой командир вашего музыкантского взвода капитан Насибулин?..

— О це да!.. — немедленно отозвался Яковенко. — Высокий блондин. Метр восемьдесят ростом. Тридцать пять лет. Человек большой музыкальной культуры. Отличный дирижёр. Прекрасный командир. Солдаты в нём души не чают.

Мой начальник даже приостановился.

— Это вы всё говорите о достоинствах. А недостатки?

— А недостатков, товарищ полковник, у него нет.

Мой начальник кивнул и внимательно посмотрел на

Яковенко.

— А скажите, Валентин Яковлевич, вы случайно не играете на каком-нибудь музыкальном инструменте?..

— Случайно играю, — ответил Яковенко, и его щегольские усы тронула лёгкая улыбка. — Случайно играю на виолончели. Хотя могу и на баяне. А шо, нельзя?..

Мой начальник засмеялся и ответил, что, разумеется, можно.

— Так вот, — продолжал полковник Яковенко, — говоря серьёзно, заниматься этим приходится редко. Более важные вещи отнимают время. Но если выпадает свободная минута, собираемся непременно: я, мой начальник штаба, мой заместитель, мой зам по парашютно-десантной службе... Виолончель, скрипка-альт, кларнет, рояль. Квнтет.

— Четверо, — удовлетворённо подсчитал мой начальник. — Хотя, само собой разумеется, в квинтете должно быть пять человек.

— Пятый, как вы догадались, командир музыкантского взвода капитан Насибулин. Он играет первую скрипку.

Вообще, надо полагать, мой начальник всё это давно понял. Непонятным для него оставалось, вероятно, одно: зачем всё-таки парашютно-десантному полку понадобилось столько разных музыкальных инструментов.

3

На пороге музыкантского взвода нас встретил мой старый друг и учитель капитан Насибулин. Все те же, чуть раскосые глаза. Картошкой нос. Едва заметные рябинки на лице. Выходит, капитана никуда не прятали.

За его спиной в две шеренги выстроился взвод: орёл к орлу, грудь колесом. Правда, большинство в очках. Сказывалась, как говорится, консерваторская подготовка. Однако на груди некоторых мой начальник не без удивления заметил бело-голубые значки, говорящие, что их владельцы не раз имели дело с парашютом.

Капитан Насибулин, приложив руку к фуражке и чеканя шаг, направился к нам. Его подчинённые «ели» глазами начальство.

— Товарищ полковник! Музыкантский взвод...

Все формальности были соблюдены. Оба полковника замахали на него руками.

В сопровождении командира части и капитана мой начальник прошёлся вдоль музыкантского строя, расспросил, кто какой год служит, кто что окончил, кто на чём играет, кто сколько раз прыгал с парашютом. Затем проверил, в каком порядке хранятся музыкальные инструменты. Кажется, внешний вид инструментов его удовлетворил. Но если он искал среди труб, корнетов, тромбонов, медных тарелок и прочего сорок три злополучные балалайки и сорок три недавно выданные гармоники, то эго, скажем прямо, был напрасный труд. Все они хранились на своих местах в клубе. Это я знал точно.

Затем оба полковника поинтересовались, что сейчас по расписанию должно быть в музыкантском взводе.

По расписанию значился урок сольфеджио. Оба полковника, не сговариваясь, захотели присутствовать.

Музыкальный диктант прошёл вполне успешно, если не считать многочисленных ошибок, допущенных рядовым Карымшаковым (медные тарелки). Парень служил первый год, обладал безусловными способностями, но не имел никакого музыкального образования. Капитан Насибулин взял его из полковой самодеятельности.

По тому, как мой начальник реагировал на всё происходящее во время диктанта, стало ясно, что кое-что в музыкальной грамоте он понимает. Следовательно, он был не так прост, каким нам казался.

Прослушать игру оркестра решили вечером, в клубе.

Я всё ждал, когда мой начальник заговорит о балалайках и гармониках. Ведь ради них

мы сюда и приехали!

Заговорил он о них лишь в кабинете командира полка. Он тактично спросил, зачем полку все эти гармоники, балалайки, незапланированные валторны и кларнеты, в которых, по-видимому, особой надобности нет.

— Как нет?! — изумился полковник Яковенко. — Да у нас только один оркестр гармонистов и балалаечников насчитывает сто человек!.. А инструментальный секстет? А эстрадный ансамбль?.. — Полковник продолжал перечислять, загибая пальцы. — Жаль, что у нас, военных, так мало личного времени, чтобы заниматься музыкой.

— Мне тоже очень жаль, — искренне сказал мой начальник.

Тут полковник Яковенко вынул из шкафа какую-то папку, подержал её на ладони, словно прикидывал вес, а потом сказал:

— Здесь письма, адресованные капитану Насибулину. Из училищ, консерваторий и так далее. Вот последнее — из Ленинградской филармонии.

— Простите, — удивился мой начальник, — но какое отношение имеет прославленный филармонический коллектив к капитану Насибулину?

— Самое прямое: почти половина его участников — бывшие воспитанники капитана Насибулина. Как видите, пишут ему, а отвечать приходится нам.

Вечером в клубе мы слушали концерт духового оркестра под управлением капитана Насибулина.

К полному удовольствию моего начальника, завершал концерт самодеятельный оркестр гармонистов и балалаечников. Не знаю, о чём думал мой начальник, разглядывая лица сидящих рядом с ним солдат, но я думал о капитане Насибулине.

4

На третий день мы вернулись в управление. Полковник тут же собрал офицеров и с ходу спросил:

— Товарищи офицеры! За время моего отсутствия из парашютно-десантного полка не поступало никаких заявок?

— Нет, — ответили ему.

Казалось, наш начальник был удивлён.

— Думаю, что поступят. Надо обязательно послать им десять малых барабанов. Я обратил внимание, что именно этих инструментов у них явно не хватает.

Мой друг капитан Осипенко посмотрел на меня, я, улыбаясь, — на него.

— И последнее, — продолжал наш начальник. — Поднимите, пожалуйста, руки, кто из вас давно и хорошо знает капитана Насибулина?

Поднялся лес рук.

Встал майор Гаврилов:

— Товарищ полковник, вероятно, не нужно ничего объяснять, но каждый из нас, правда в разное время, служил с капитаном Насибулиным. И если мы что-то понимаем в музыке и полюбили её, так это только благодаря ему.

НОВОБРАНЦЫ НА ЛЕТНОМ ПОЛЕ

1

В полк прибыло новое пополнение. Молодые, крепкие ребята из разных городов и областей. Все — недавние выпускники ПТУ: механизаторы, сталевары, наладчики станков с программным управлением, токари, фрезеровщики. В общем, специалисты своего дела.

Несколько студентов. И один учитель начальных классов. Фамилия его была Соламатин.

Ещё когда ехали в поезде, выяснилось, что почти каждый не раз и не два прыгал с парашютом. Одни — с настоящих самолётов, в аэроклубе. Другие — посещая городской парк культуры и отдыха, с парашютной вышки.

Сержант, который вёз новобранцев, невольно думал: «Ребята бывалые. Но морока с ними будет. Одно дело — прыгаешь, когда хочешь, и совсем иное — когда не хочешь, а надо».

Учитель слушал, о чём говорят его более опытные товарищи, и настроение у него всё ухудшалось и ухудшалось. Ни с самолёта, ни с какого иного сооружения он никогда не прыгал, а если и решился однажды, то с трёхметрового трамплина в воду.

Один новобранец с пушкинскими бакенбардами и шкиперской бородкой (бороду и бакенбарды ему потом сбрили) рассказывал, что примерно на сотом прыжке с одним его другом приключился комический случай: друг повис на самолётном хвосте.

— Обхохочешься, — говорил новобранец. — Висит мой друг, как сосиска, а я подруливаю к нему левым галсом... то есть управляю телом в воздухе, что очень важно... обрубая стропы... И мы вдвоём приземляемся на моём парашюте. Обхохочешься! Или вот ещё. У другого моего друга не раскрылся основной парашют. Переходит он на запасной...

«А ведь действительно, — думал учитель, — почему только основной и запасной? Материала жалко?.. Нажимаешь кнопку на пульте. И раскрываются сразу пять запасных. Пульт у тебя на груди. Исключается всякая случайность. Полная гарантия и надёжность».

Ночью в поезде под впечатлением передуманного учитель стал составлять своим ученикам письмо.

«А Дёмину передайте, — мысленно сочинял он, — что я его прощаю. Только пусть не думает, что я не знаю, кто подбил мою курицу. Если останусь жив, так и быть, поставлю ему годовую тройку».

Молодое пополнение встречали с оркестром.

Пока новобранцы выгружались из вагонов, пока строились, учитель смотрел на оркестр и думал: «А ведь и я бы сейчас мог... вон как тот... дудеть в трубу. И горя мне было бы мало...»

«Дудел в трубу», а точнее, играл на корнет-а-пистоне младший сержант Чудик — центральный нападающий полковой сборной и правая рука капитана Насибулина.

Но учитель Соламатин не знал ещё ни капитана, ни Чудика. Он просто смотрел, как младший сержант беззаботно раздувает щёки и нажимает на клапаны инструмента.

«Счастливчик», — думал Соламатин.

«Что он на меня так смотрит? — гадал младший сержант Чудик. — Учились вместе?...»

Вопрос так и остался открытым, поскольку новобранцев наконец построили и повели в баню. Где за два часа остригли, помыли, одели во всё новое, и сами они стали как новенькие.

2

Через несколько дней была экскурсия в учебный городок. Будущим десантникам показывали, с чем им в ближайшие дни придётся иметь дело, пока — на земле.

Экскурсию вели несколько офицеров и сержант, который новобранцев вёз.

Молодого учителя потрясло обилие тренажёров и прочих снарядов, помогавших десантникам приобретать и оттачивать своё воздушное мастерство. Но назначения всех этих приспособлений учитель не знал. Он впервые увидел в такой близости даже обыкновенную парашютную вышку.

На краю поля стояли макеты транспортных самолётов. В брюхе каждого была пропилена огромная квадратная дыра. Внизу под дырой была натянута сетка. Как гамак.

«Для безопасности, — благодарно подумал учитель. — Кто-то вот позаботился. Когда будем, тренируясь, вываливаться из самолёта, чтоб не шлёпались как лягушки о землю... А могли бы и везде натянуть. Летишь, скажем, с километровой высоты и уже знаешь, что тебя ждёт...»

Сержант подвёл свою группу к металлическому сооружению, похожему одновременно на детские качели и на взрослый турник.

— Многим из вас, — сказал сержант, — этот снаряд хорошо знаком. Во всяком случае,

тем, кто занимался в аэроклубе. Ну вот, допустим, вы, — обратился он к бывшему бородачу. — Как этот снаряд называется?..

«Бородач» ошалело посмотрел на снаряд и, как двоечник на уроке, выдавил из себя:

— Т-турник...

Сержант удивился, но помог:

— Вы, вероятно, имеете в виду лопинг.

— Ну, — сказал «бородач».

— Договоримся так: «нукать» вы мне не будете, а будете отвечать «так точно».

При виде следующего снаряда «бородач» поспешно перешёл из передних рядов в задние. Однако это не спасло его от сержанта.

— А это что? — спросил сержант.

Сооружение напоминало крупногабаритное колесо для белки.

— Товарищ сержант, — запротестовал «бородач», — что это вы меня всё спрашиваете?..

— Я не только вас спрашиваю, я всех спрашиваю. Так сколько, говорите, у вас было прыжков?..

— Я ничего не говорю, — сказал «бородач».

— Но ведь я сам слышал. В поезде.

Поскольку «бородач» молчал, учитель ответил за него:

— Сто. Если не больше.

Все засмеялись, а сержант строго сказал:

— Вы ведь учитель?..

«Запомнил», — подумал Соламатин.

— За порядком следите в школе. Остряков одёргиваете. У нас тоже школа. Значит, никто никогда не прыгал?.. Беда не велика, бывает. Я сам до призыва парашют не видел. А увидел — печёночные колики на нервной почве начались и давление подскочило. После первого прыжка прошло. Не пойму только, зачем ввали.

Ответом было общее молчание.

Учитель немного ожил. Выходило, не он один тут такой неумеха, остальные тоже. Это почему-то подбадривало.

Если несколько дней назад в порыве всепрощения он собирался ставить Дёмину годовую тройку, то теперь шансы Дёмина катастрофически падали.

«А Дёмину передайте: пусть учит правила. Приеду — спрошу. Учитель Соламатин».

— Ну, преувеличил, — извиняющимся тоном говорил «бородач». — Так ведь себя успокаивал.

— Вот и успокаивались бы молча.

Дальнейшая ознакомительная экскурсия действительно прошла в молчании. Говорил сержант. Новобранцы, переминаясь с ноги на ногу, угрюмо рассматривали тренажёры.

3

О своих безрадостных впечатлениях «экскурсоводы» рассказали начальнику парашютно-десантной службы. Тот — командиру части. Цепочка замкнулась на капитане Насибулине. Командир парашютно-десантного полка вызвал его к себе и сказал:

— Сергей Павлович, готовьте своих музыкантов.

4

Десять десантников укладывали на плацу парашюты. Парашюты лежали на брезентовых полотнищах, и десантники методично и тщательно проверяли крепление строп, каждую складку на куполе, даже состояние чехлов.

У новобранцев было личное время. Учитель Соламатин направлялся в полковую библиотеку. Он хотел обойти парашюты стороной, потому что только один их вид вызывал у

него тревогу. Но в одном из десантников неожиданно признал знакомого.

«Где я его видел? — подумал Соламадин. — В Ленинграде? В Москве? В роно на совещании?..»

И вдруг вспомнил: в первый день, на вокзале, трубач из оркестра.

«Значит, и их заставляют, — огорчился Соламадин. — А я за них радовался».

Он подошёл ближе и вздохнул.

Услышав, что кто-то совсем рядом вздыхает, младший сержант Чудик поднял голову. На солдате было всё новенькое. Казался он озабоченным.

— Учитель Соламадин, — представился новобранец.

— Чудик, — ответил младший сержант.

— Я?.. — удивился Соламадин.

— Нет. Это фамилия у меня такая.

— Теперь понял, — сказал Соламадин. — Значит, вас тоже?..

— Что?

— Заставляют. Учтите, ни в одном уставе не сказано, что музыкант обязан прыгать. Я вам просто советую... пока не поздно... обратиться к командиру части.

Младший сержант Чудик с трудом, но сдержал улыбку.

— А что обращаться, когда он вон... ходит.

— Где? — спросил Соламадин.

— Свой парашют укладывает.

Глаза Соламадина округлились:

— Как, и его тоже заставляют?!. Но ни в одном уставе не написано, чтоб командир части...

Так младший сержант Чудик и не узнал, что не написано в уставе, поскольку подошёл начальник парашютно-десантной службы и сказал:

— Товарищ солдат, делаю вам замечание. Когда десантник укладывает парашют, его нельзя отвлекать разговорами. Уложит неправильно — полетит неправильно.

— Вы хотите сказать...

— Именно это я и хочу сказать. Но десантная служба имеет и определённые преимущества: за день до прыжков десантник освобождается от любых занятий, тренировок и работ. Всё для того, чтобы он был собранным, внимательным и не усталым. Вы куда-то шли?..

— Да, я шёл записываться в полковую библиотеку.

— Вот и идите.

Сконфуженный и огорчённый Соламадин, держа руку «лопатой», отдал честь и пошёл.

— Земляка встретили? — оглаживая свой парашют, спросил капитан Насибулин.

— Пока не разобрался, — ответил Чудик. — Чудной он какой-то.

— А у нас тут не вареники у мамки есть, — ползая на коленях, согласился полковник Яковенко. — Тут и под-растеряться можно. А придёт время — будет учить других.

— Он, кстати, по профессии учитель, — сказал Чудик.

5

После обеда будущих десантников собрали у кромки лётного поля и усадили на траву.

То, что не им предстояло прыгать, — это было ясно. Прыгать должны были другие. Двадцать — или сколько там? — воздушных асов сейчас продемонстрируют на их глазах свое умение, убеждая, что это всё не так страшно. Асам действительно всё не так страшно, потому что они уже асы.

(При этом почему-то забывалось, что каждый ас тоже когда-то был новобранцем.)

Заместитель командира полка (в руке — мегафон) прохаживался возле молодых солдат. В общих чертах он знал, о чём те сейчас думают. С ещё большей уверенностью он мог сказать, о чём они будут думать потом.

Наконец послышался гул приближающегося самолёта.

Будущие десантники, как по команде, посмотрели вверх.

«Транспортник» сделал разворот, и в то же мгновение от него с короткими интервалами отделились десять чёрных комочков.

Как тугие зонтики раскрылись десять белых парашютов.

На секунду они словно зависли в небе, а затем осторожно понесли десантников к земле.

Самолёт ушёл. Стало тихо.

И вдруг там, наверху, где ничего, кроме десяти парашютных куполов, казалось, не было, возникла мелодия. Духовой оркестр исполнял песню «Раскинулось море широко».

От неожиданности учитель младших классов Соламагин и все остальные новобранцы разинули рты.

Заместитель командира полка хорошо поставленным голосом пояснил в мегафон:

— Товарищи новобранцы! Группа десантников под руководством командира музыкантского взвода капитана Насибулина исполняет для вас песню «Раскинулось море широко». В группу входят: командир парашютно-десантного полка полковник Яковенко — баян, музыканты взвода: младший сержант Чудик — корнет-а-пистон, рядовые Смычков — второй баян, Перфильев — кларнет... — Заместитель командира продолжал перечислять, но учитель Соламагин его уже не слышал.

«Как же так... — думал он. — Допустим, младший сержант Чудик летит. Но ведь он ещё и дудит, придавая себе и другим бодрость!.. А возьми я с собой учебник математики — это даже не придаст никакой бодрости!.. Просто поразительно: труба подходит для такой цели, а учебник — нет...»

Когда музыканты приземлились, новобранцы, невзирая на мегафонные призывы замполка, ринулись на лётное поле. Каждый хотел если не пощупать инструменты руками, то хотя бы убедиться, что они есть.

— Ну что, сынки? — спрашивал полковник Яковенко, отстёгивая парашютную систему. — Вы не на меня смотрите. Вы на них смотрите. Мне по службе надо. А им — нет. Их попросили сыграть для вас, и они сыграли...

Молодые солдаты трогали клавиши баяна, с почтением взирали на владельца франтоватого корнет-а-пистона, удивлялись угольной черноте кларнета.

— Я его знаю, — пробиваясь к Чудику, говорил учитель Соламагин. — Мы с ним на вокзале познакомились.

— Пропустите Соламагина, — сказал Чудик.

«Запомнил!..» — радостно подумал Соламагин.

Солдаты расступились, и Соламагин как пробка выскочил вперёд.

— Ну как там наверху? — запросто спросил он.

— Полковник чуть не выронил баян. Температура нормальная. А вообще, что рассказывать? Скоро всё сами увидите.

6

Полковник Яковенко и начальник парашютно-десантной службы говорили, что поставленная в тот день задача была выполнена. Капитан Насибулин считал, что даже в большем объёме, чем надо.

Когда через несколько дней он прикрепил к дверям клуба объявление о том, что начинается запись в самодеятельный оркестр, записались около ста новобранцев: каждый желал научиться играть на каком-нибудь инструменте.

И это, пожалуй, был самый неожиданный итог показательного прыжка музыкантского взвода.

НЕЗАБИТЫЙ ГОЛ МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА ЧУДИКА

1

Журналист просматривал сигнальный экземпляр газеты. Он был дежурным по номеру. С особым удовольствием читал он собственную статью:

«СМЕЛЫЙ ПОСТУПОК ВОИНОВ. Неделю назад, 14 мая, около магазина спорттоваров остановился бензовоз. Шофёр забежал купить набор летних блёсен и спиннинговую катушку «Дельфин». Каково же было изумление прохожих, когда бензовоз неожиданно тронулся с места и, набирая скорость, понёсся к деревянному мосту через речку Безымянку, где группа школьников младших классов удила рыбу.

Все растерялись. Не растерялись находившиеся в увольнении ефрейтор Оленич и младший сержант Чудик. Не сговариваясь, солдаты бросились за бензовозом. Почти у самого моста они его нагнали. Младший сержант Чудик вскочил на подножку машины со стороны шофёрской кабины, ефрейтор Оленич — со стороны пассажирского места. И тут младший сержант сообразил, что управлять машиной не умеет. Это уже понял и ефрейтор Оленич. «Спасай ребят! — крикнул он своему товарищу. — А я буду спасать машину!» Младший сержант Чудик прыгнул прямо с подножки машины в речку, где уже барахтались перепуганные рыболовы, а ефрейтор Оленич, рискуя жизнью, сумел открыть дверь кабины и дотянуться до рычагов управления... Как оказалось, смелые воины служат в разных воинских частях и даже не были знакомы друг с другом. Оба спортсмены. Оба футболисты. Так что, надо полагать, дружба их продолжится и на футбольном поле. Потом выяснилось: у бензовоза отказали тормоза. Шофёр наказан».

«Хорошая статья», — подумал журналист.

Было шесть утра. В семь тридцать газету получают подписчики.

2

У капитана Насибулина было хорошее настроение. К восьми ноль-ноль он шёл на службу, помахивая свёрнутой в трубочку газетой.

По дороге он нагнал своего товарища по полку капитана Зацепина. У капитана Зацепина было плохое настроение. Он отвечал в полку за спорт.

— Ты был вчера на футболе? — мрачно спросил капитан Зацепин. — Хотя да, не был.

На футбольном матче капитан Насибулин вчера действительно не был, поскольку находился в это время с сыном на представлении в цирке «шапито».

— Я был вчера в «шапито».

— У нас тут тоже был «шапито». Твой Чудик из выгоднейшего положения не забил гол. Смотри сам: вот тут лежит вратарь, тут стоит Чудик, а вот тут мяч. Что же делает твой Чудик?..

— Что он делает? — спросил Насибулин.

— Он стоит и ждёт, когда вратарь встанет на место!.. Мы ему кричим: «Бей!!!» А он стоит и ждёт. Просто псих какой-то. Нет, я его отправлю сегодня на гауптвахту.

Капитан Насибулин улыбнулся решительности своего товарища.

— Отравить его на гауптвахту могу я. Ты не его командир взвода.

— Значит, отправишь ты. А не ты, так командир полка. А не командир пола, так...

— Министр обороны, да?..

Капитан Зацепин засмеялся. Настроение его немного улучшилось.

— Коля, — спросил вдруг капитан Насибулин и даже остановился, потому что в голову ему пришла странная мысль, — ас кем наши вчера играли?..

— С кем — с танкистами.

— А у них там в воротах случайно стоял не... — Капитан Насибулин заглянул в газету. — Не ефрейтор Оленич?

— Оленич. А ты его знаешь? Классный вратарь, между прочим.

— Коля, это друг моего младшего сержанта Чудика.

Теперь капитан Зацепин тоже остановился.

— Я же говорю: твой Чудик — псих. Друзьям он, видите ли, голы забивать не может. Давай отправим его на гауптвахту, а?

— Нет, мы не будем отправлять его на гауптвахту. Я своих музыкантов в обиду не дам. Мы будем хлопотать о предоставлении ему отпуска. С чего ты начинаешь свой день?..

— С физзарядки, — ответил раздосадованный Зацепин.

— А надо начинать с газеты. На, почитай.

И капитан Насибулин протянул ему свежий номер газеты.

3

Через несколько дней младший сержант Чудик уезжал в Ленинград.

Командир танкового полка — в виде поощрения — наградил ефрейтора Оленича десятью сутками отпуска.

Командир парашютно-десантного полка полковник Яковенко ограничил отпуск Чудика недель. Видно, три дня пошли в счёт незабитого гола.

Когда полковник спросил, почему Чудик никому ничего не говорил вплоть до появления газетной статьи, Чудик удивился:

— Да о чём я мог, товарищ полковник, говорить? Ефрейтору Оленичу я только мешал — висел на подножке и всё. Он и в воду велел мне прыгать, чтоб от меня избавиться. Но вы не беспокойтесь, я его уже предупредил: ещё раз неудачно выскочит из ворот — гол я ему забью. Теперь, конечно, уже по возвращении из отпуска...

ТЫКВОЧКА

1

С недавних пор командир музыкантского взвода капитан Насибулин стал замечать, что его подчинённый рядовой Карымшаков резко изменился: стал, что ли, более задумчивым, даже нервным, стал наткаться на товарищей и старших офицеров (что вообще недопустимо), плохо есть, плохо спать, а в самые ответственные моменты, когда краса и гордость парашютно-десантного полка духовой оркестр под управлением капитана Насибулина замолкал, вдруг словно просыпался и делал тарелками запоздалое «дзинь» или «бум».

К тому же скопились и другие факты, на которые просто нельзя было не обратить внимания.

Так, во время развода караула, когда и начальник, и помощник, и разводящие, и будущие часовые, и оркестранты, подбадривавшие своей музыкой заступающих в наряд, одинаково мокли на плацу под проливным дождём, возле рядового Карымшакова появлялся неизвестный в резиновых сапогах и тубетейке и заботливо раскрывал над Карымшаковым зонт.

А дождь барабанил по спинам и фуражкам, проникал в сапоги и карманы, заполнял пилотки и раструбы духовых инструментов.

Один Карымшаков стоял сухим под дождём.

Правда, он при этом сильно краснел и даже довольно невежливо говорил незнакомцу: «Уходи немедленно!»

Но на душе присутствующих всё равно оставался неприятный осадок: если условия созданы для всех равные, почему рядовой Карымшаков должен находиться под персональным зонтом?..

Что касается неизвестного, то он, взглянув с непередаваемой грустью на Карымшакова,

тотчас же уходил. А если быть точным, то растаивал, исчезал, испарялся за завесой дождя.

Факт второй. Некоторое время тому назад возле контрольно-пропускного пункта полка, то есть буквально в каких-то двадцати метрах от въездных ворот, расположился некий неизвестный в тюбетейке и с большим сапожным ящиком. На ящике было написано: «Бесплатные услуги. Чистим сапоги».

Было установлено, что сапоги неизвестный чистит (во всяком случае, пытается чистить) только рядовому Карымшакову. Когда же и другие старались подсунуть, тут же вывешивал табличку: «Обед».

Говорят, рядовой Карымшаков демонстративно и с особым старанием надраивал свои сапоги ваксой на виду у неизвестного и при этом обращался к последнему со следующими непонятными словами: «Ну что, выкусил?..»

Неизвестный смотрел на действия рядового Карымшакова с невыразимой грустью.

Факт третий. Во время строевых занятий, когда нещадно палило солнце и всем музыкантам, включая капитана Насибулина, очень хотелось пить, когда даже вороны попрятались, а спасительную тень — против всех законов физики — отбрасывала почему-то только длинная и тощая фигура капитана Насибулина, появилась тележка с газированной водой. Толкал её неизвестный в тюбетейке.

Он подрулил прямо к рядовому Карымшакову, налил полный стакан и протянул — искрящийся, холодный, с лимонным соком:

— Пей.

— А остальным? — строго спросил Карымшаков.

Неизвестный тут же повесил табличку: «Обед».

Тогда рядовой Карымшаков молча отстранил стакан и коротко сказал неизвестному:

— Уходи.

Неизвестный посмотрел на Карымшакова с невыразимой грустью.

Факт четвёртый: странное происшествие на почте.

По словам заведующей, рядовой Карымшаков трижды на дню отправлял одну и ту же бандероль и она трижды непонятным образом выскакивала из опломбированного и опечатанного почтового мешка обратно. По свидетельству заведующей, Карымшаков отбивался от настырной бандероли двумя руками. Однако — и это заведующая твёрдо помнит — бандероль в итоге победила: Карымшаков сунул её под мышку и, чуть ли не рыдая, ушёл.

И наконец, факт пятый, самый необъяснимый и последний.

Недели через две в поведении незнакомца неожиданно наступил разительный перелом: в случае появления дождя зонт раскрывался теперь не только над Карымшаковым, но и над остальными; газированная вода отпускалась не только Карымшакову но и другим; прежняя надпись на ящике — «Бесплатные услуги. Чистим сапоги» — сменилась другой: «Каждый солдат сам обязан чистить свои сапоги».

— Кто тебе этот дядька? — с удивлением спрашивали солдаты. — Родственник?

— Дальний, — отвечал Карымшаков. — Иллюзионист из нашего сельского цирка.

— Выходит, и газировка у него не настоящая, и зонты, и ящик для сапог?

— Это всё настоящее. У иллюзионистов всё настоящее, — успокаивал Карымшаков.

Фактов, как видим, скопилось более чем достаточно, и капитан Насибулин решил по душам поговорить с подчинённым.

Однако рядовой Карымшаков опередил его. Он пришёл сам, тихий и взволнованный, и сказал:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться по личному вопросу?.. Не могли бы вы устроить мне экзамен по сольфеджио?.. — В руке рядовой Карымшаков держал маленькую тыквочку. — А то без этого он никак не уезжает.

После столь удивительной просьбы капитан Насибулин, естественно, не мог не спросить: кто не уезжает, куда не уезжает и почему?

Пришлось рядовому Карымшакову объяснить всё.

2

— Как вы знаете, товарищ капитан, родом я с предгорий Копетдага. У нас там есть и горы, и оазисы, и пустыни. Земля древняя, удивительная и во многом ещё загадочная. До сих пор считалось: родина джиннов — Аравия. Однако профессор Семёнов, с которым я до армии вёл археологические раскопки и который обучил меня игре на нескольких музыкальных инструментах, но, к сожалению, не успел обучить нотной грамоте, утверждал, что родина джиннов — Копетдаг. Я этому не верил. Теперь верю.

Месяц назад я получил из дома посылку: урюк там, кишмиш, вяленая дыня и так далее. И ещё маленькая тыквочка. К тыквочке была приложена записка. От мамы. «Дорогой мой и ненаглядный Рахим...» В общем, сами знаете, как они все пишут.

— Знаю, — сказал капитан.

— «Абрикосы и виноград в этом году хорошо уродились, хлопок и того лучше. Кланяются тебе отец, сёстры твои Фатима и Гюльсары и твой младшенький братик Пулат». Тот ещё фрукт, товарищ капитан, я вам доложу. «Будешь есть кишмиш и урюк — обязательно поделись с товарищами...» Просто смешно, товарищ капитан. Как это она себе представляет? Я залезу с головой под одеяло и стану тайком от всех есть кишмиш?.. А дальше в записке вот что: «Ещё посылаю тебе эту маленькую тыквочку. Открой её, когда будешь один». Слово «один» три раза подчёркнуто синим карандашом. Мама у меня бухгалтер. Товарищ капитан! Хотя маму свою я иногда критикую, но всё равно люблю.

— Понимаю, — сказал капитан.

— А если критикую Пулатика... В общем, с него всё и началось.

Сидел он однажды, выдалбливал тыквочку и вдруг говорит:

— Думаю, нашего Рахима уже наградили.

Папа читал газету. Мама пекла лепёшки. Сёстры Фатима и Гюльсары собирались на танцы.

— Чем наградили? — не сразу понял отец.

— Орденом. Сначала ранили, а потом наградили. — Но, увидев, что сказанул что-то не так, поправился: — Ну... может, сначала наградили, потом ранили.

Видно, мысль о ранении прочно засела ему в голову.

Мама, конечно, в слёзы. Сёстры тоже. Папа взялся за ремень:

— Думай, что говоришь!

Однако дело своё Пулатик сделал.

Мама заявила, что вот только допечёт лепёшки и уезжает ко мне. Сёстры заявили, что тоже. Пулатик сказал, что папа всё время дерётся и потому он тоже с ним не останется, и пошёл укладывать свои вещи: бронетранспортёр, тыквочку, резинового ишака, велосипед.

Представляете, товарищ капитан, картину: мама с лепёшками и прочей снедью, сёстры с сухофруктами, братик Пулат с бронетранспортёром, ишаком и велосипедом появляются в расположении нашей части?

Конечно, отец быстро восстановил порядок.

Но не надолго.

Неделю спустя отец работал в саду и откопал под старым абрикосовым деревом кувшин. Отец принёс кувшин в дом и сказал:

— Посмотри, мать, что я нашёл!

Был воскресный день. Мама, как всегда, пекла лепёшки. Фатима и Гюльсары, как всегда, собирались на танцы. Братик Пулат корпел над тыквой. Но, увидев кувшин, не выдержал, подошёл к столу, вытащил из кувшина затычку и...

Сёстры Фатима и Гюльсары сказали:

— Ай!

Мама и папа, взявшись за руки, хором сказали:

— Такого быть не может!

Братик Пулат ничего не сказал, поскольку говорящей своей половиной уже уполз в сервант.

Понимаете, товарищ капитан, получив тыквочку, я, конечно, её открыл, заглянул из любопытства... Историю на почте помните?

— Помню.

— И другие истории?...

— Тоже помню.

— Тоже всё тыквочка. Поэтому я и пытался отправить её обратно. А вместе с ней того, кто там сидит.

С этими словами рядовой Карымшаков поставил тыквочку на стол и вынул из неё затычку.

Много раз говорил капитан Насибулин своим подчинённым, что общефизическая подготовка нужна не только десанникам — музыкантам тоже нужна.

«Ни фуги Баха, ни мазурки Шопена, ни Первый концерт для рояля с оркестром Петра Ильича Чайковского не заменят вам сильные ноги, тренированное дыхание и мощный брюшной пресс. У военного музыканта должна быть крепкая рука».

В молодости капитан Насибулин поднимал пудовые гири. Теперь перешёл на двухпудовые.

Однако при виде того, кто появился из тыквочки, сбилось и тренированное дыхание, и брюшной пресс стал не таким твёрдым, и дрогнула прежде крепкая музыкантская рука.

Не могу сказать, что появившийся был каким-то чудищем. Вид он имел вполне приличный. И хотя ростом явно не вышел, всей, что ли, осанкой своей, благородной, что ли, манерой поведения и весьма почтенным возрастом производил неизгладимое впечатление даже на людей военных — и это несмотря на то что носил заурядную тюбетейку и на случай маскировки надел рыболовные сапоги.

Да, да, из тыквочки, озираясь и потягиваясь, вылез уже знакомый нам гражданин в тюбетейке. С невыразимой грустью посмотрел он на рядового Карымшакова, а затем с надеждой на товарища капитана.

— Знакомьтесь, товарищ капитан, — вздохнул Карымшаков. — Джинн Абдыкасым.

3

Тут многие могут удивиться и спросить: как же джинн Абдыкасым оказался в тыквочке, если находился до этого в кувшине? Неужели снова не обошлось без Пулата? Отвечу: не обошлось.

Когда затычка была вытащена, все, в том числе джинн, оказались в довольно трудном положении.

С одной стороны, вековые традиции: все джинны должны работать. С другой — никто не знал, чем джинна занять.

От предложения вывести колхоз в число лучших папа, председатель колхоза, наотрез отказался.

— Шефы помогают, пионеры помогают... Теперь ещё джинны помогать будут?.. Сами справимся!

В бухгалтерском учёте Абдыкасым не понимал, домашним хозяйством отродясь не занимался. Поэтому и маме ничем особенно помочь не мог. Ну, если только там принести воды.

Сёстры Фатима и Гюльсары водили мощный хлопкоуборочный комбайн, поэтому доверить столь сложную технику джинну также не могли.

Дело нашёл Пулат. Он подошёл к джинну и сказал:

— Дедушка! Будешь носить за мной в школу портфель. И чтоб без опозданий!

Просто поразительно: баев и князей в роду Карымшаковых не было, откуда же у Пулата появились столь дремучие феодальные замашки?..

Так бы и носил джинн за ним портфель, если б не дознался про то отец и не оттащил беднягу Пулата за уши.

Во второй раз джинн остался без дела. Но ведь не мог же он жить нахлебником в трудовой семье Карымшаковых! Дал он слово не устраивать никаких джиннских штучек и оформился сторожем на колхозную бахчу. Целые дни сидел теперь с двуствольным ружьём, заряженным солью, и подкарауливал несуществующих лихих разбойников...

И тут снова выручил Пулат.

Завершил он последние отделочные работы на своей тыквочке и говорит:

— Думаю, нашего Рахима опять наградили. Теперь у него уже два ордена.

Папы дома не было. Сестёр тоже. Поэтому плакала одна мама.

Слушал, слушал Абдыкасым (у него был выходной день на бахче) и говорит:

— Пошлите меня к вашему Рахиму. Уж я точно узнаю, наградили его или не наградили.

А для экономии места можете отправить прямо в посылке — вместе с урюком и кишмишем. Я тут приглядел одну маленькую и удобную тыквочку...

Отдавая должное Абдыкасыму, не забудем отметить и благородный поступок Пулата: ничего не потребовав взамен, он отдал свою тыквочку.

Так джинн Абдыкасым, взяв на бахче отпуск, прибыл с помощью современных средств связи в парашютно-десантный полк и оказался у Рахима Карымшакова.

Первое время, как мы помним, между Рахимом и джинном Абдыкасымом возникали различные конфликты. Но чем больше джинн присматривался к солдатской службе, чем больше убеждался, что его подопечный не хуже других с этой службой справляется, тем больше менялись его взгляды и на некоторые частные вопросы: он вдруг понял, что добрые дела нельзя дозировать, как газированную воду, — давать одним и обделять других.

Думается, не последнюю роль тут сыграл и личный пример подопечного — рядового Карымшакова.

4

Выслушав всю историю, капитан Насибулин сказал:

— Музыкальный диктант можно только приветствовать.

— Слышишь, что говорит уважаемый... э-э... — оживился джинн.

— Сергей Павлович, — подсказал Насибулин.

— Уважаемый капитан Сергей Павлович?

— Ведь прежде чем вернуться домой, джинну Абдыкасыму важно убедиться, что и в музыке вы, Рахим, добились определённых успехов. Я вас правильно понял?..

— Слышишь, что говорит уважаемый капитан Сергей Павлович? — снова спросил джинн.

— А вернувшись, всё рассказать маме — как есть, без утайки. Уважаемый джинн Абдыкасым, я вас хорошо понимаю.

С этими словами капитан Насибулин встал и пригласил всех в класс.

Надо сказать прямо: волновались все трое одинаково — только каждый по-разному. Джинн Абдыкасым волновался потому, что ничего не понимал в нотной грамоте и не очень представлял, в чём состоит экзамен. Рядовой Карымшаков — потому, что хотел для спокойствия джинна и мамы сдать экзамен как можно лучше. Капитан Насибулин волновался потому, что не был уверен в благополучном исходе экзамена.

В углу музыкального класса стоял рояль, в центре — столы-парты, на стене висела чёрная нотная доска.

— Уважаемый джинн Абдыкасым, — усаживая Абдыкасыма за первую парту, сказал

Насибулин, — вы — наш почётный гость, поэтому право выбора предоставляется вам. Сейчас я сыграю три музыкальных произведения: «Марш Черномора» из оперы «Руслан и Людмила»...

Джинн Абдыкасым с достоинством кивнул.

— «Песенку крокодила Гены» из мультфильма про Чебурашку...

Джинн Абдыкасым снова кивнул.

— И Марш из балета Прокофьева «Любовь к трём апельсинам». Какое из сочинений станет экзаменационным, решать вам.

С этими словами капитан Насибулин сел за рояль, джинн Абдыкасым приложил ладонь к уху, а рядовой Карымшаков подумал: «Только не «Марш Черномора». Он самый трудный. Лучше «Песенку крокодила Гены».

Но предугадать музыкальные вкусы Абдыкасыма было трудно.

Капитан Насибулин исполнил сначала одну мелодию, затем другую, затем третью.

«Марш Черномора» показался Абдыкасыму мрачноватым, и он отверг его. Бесхитростная мелодия крокодила Гены вызвала на лице Абдыкасыма снисходительную улыбку. Зато Марш из балета понравился ему сразу. Во-первых, само название напоминало о многом: и далёкую юность, и всё ещё не прошедшую с годами любовь Абдыкасыма к апельсинам; во-вторых, мелодия не казалась простой и поэтому вполне годилась для серьёзного экзамена.

Джинн Абдыкасым остановил свой выбор на балетном Марше.

Карымшаков подошёл к доске, решительно взял мел и ещё более решительно начал писать.

Тут только Абдыкасым понял, в чём состоит экзамен: Рахим должен был не просто правильно запомнить мелодию, но и безошибочно воспроизвести её на доске!

«Надо было остановить выбор на «Крокодиле Гене», — с тревогой подумал Абдыкасым.

Но было поздно.

Капитан Насибулин следил за узорами нотных знаков, рождаемых бестрепетной рукой рядового Карымшакова. Джинн Абдыкасым — за лицом капитана.

«Доволен, — удовлетворённо решал было Абдыкасым, но тут же впадал в панику: — Нет, недоволен».

По лицу капитана трудно было что-то понять.

Наконец Рахим Карымшаков отошёл в сторону и сказал:

— Всё, товарищ капитан. Я закончил.

Насибулин ещё раз взглянул на нотную запись.

— Хорошо, — сказал он. — Хотя и небезупречно. Вот здесь, Рахим, вы забыли поставить знак, обозначающий паузу, а здесь — обозначающий длительность ноты. Это, я полагаю, от волнения.

И капитан Насибулин взял мел и собственноручно поставил оба знака.

Из-за своей парты поднялся джинн Абдыкасым. Его лицо выражало одновременно гордость, тревогу и восхищение.

Внушали гордость явные успехи Рахима. Тревогу — мысль об оставленной без присмотра бахче (Абдыкасыму уже виделись враждебные орды кочевников, растаскивающие на колхозной бахче вверенные ему дыни). Восхищение — что он присутствовал при рождении таинственных нотных знаков.

— Когда я вернусь домой, — сказал он, — я обязательно исполню маме Рахима все три записанные мне в душу мелодии.

На следующий день рядовой Карымшаков и капитан Насибулин отправляли

Абдыкасыма в путь. На бандероли было написано: «Не кантовать» и «Исключительно ценная».

На этот раз бандероль вела себя вполне прилично. Удивило заведующую поведение капитана Насибулина, который вдруг наклонился над бандеролью и явственно произнёс:

— Привет маме.

Бандероль была опущена в почтовый мешок.

На крыльце капитан Насибулин сказал Карымшакову:

— Я рад, Рахим, что вы хороший человек.

— А я, товарищ капитан, рад, что вы всё правильно поняли. Наверное, я сделал в диктанте не одну и не две ошибки.

— Двенадцать, Рахим. И это вы тоже совершенно правильно поняли.

КРАСНЫЙ МЯЧ

Целый месяц музыкантский взвод готовился к окружному смотру военных духовых оркестров.

Приказом командира части репетировали за закрытыми дверями — с девяти до тринадцати и с пятнадцати до восемнадцати вход в клуб посторонним был закрыт.

Первый этап — гарнизонные соревнования насibuлинцы легко выиграли.

Однако капитан не хотел, чтоб у его подопечных создалось впечатление, будто и последующие состязания окажутся для них такими же лёгкими.

«Запомните, — говорил он, — оркестры капитанов Морозова, Зуева, Верещагина и майора Грекова — отличные коллективы. В прошлом мы неизменно им прощрывали. Хочу надеяться, нынче такого не произойдёт».

Надежда основывалась на том, что состав в этом году подобрался ровный и сильный, а кроме того, смотр должен был проходить в местном Дворце культуры, а дома, как известно, и стены помогают.

Программу свою музыканты намеренно усложнили, включив в неё ряд новых произведений, в том числе, невзирая на протесты капитана Насибулина, марш, который раньше не исполнялся.

На одну из последних репетиций пришёл командир части.

Он первым нарушил свой запрет, но понять его было можно: во-первых, он был командиром полка, а во-вторых, через несколько дней уезжал в отпуск.

Когда он вошёл, музыканты как раз исполняли марш.

Полковник хорошо знал репертуар оркестра. За долгие годы службы в армии слышал не один десяток маршей. Однако тот, что играли сейчас, знаком ему не был.

Слушая, он думал о том, что есть мелодии, которые почему-то запоминаются сразу. Создаётся даже впечатление, что ты мог бы написать их сам, настолько в них много твоего, личного: об этом ты думал раньше, это когда-то видел, это знал. Видел, знал, думал, — но так и не смог никому рассказать...

Марш, который исполняли музыканты, был именно таким, личным.

Когда оркестр закончил играть, Яковенко спросил, как марш называется.

Ему ответили: так и называется — «Марш капитана Насибулина».

Полковник сказал: «А!..», будто это и не было для него особой новостью. Но новость была: во-первых, он даже не предполагал, что капитан Насибулин пишет музыку (об этом речь никогда не заходила), следовательно, он не так хорошо знал своих подчинённых, во-вторых (и это был момент приятный), взвод заготовил к финалу неплохой сюрприз.

Наконец репетиция кончилась. Оркестранты сложили инструменты. Оттащили в угол сцены пюпитры. После чего в приподнятом настроении отправились на ужин. Капитан Насибулин напомнил, что завтра сбор в десять.

Затем и он вместе с командиром части отправился домой. Жили они рядом — в соседних домах.

Город не торопясь готовился к празднику.

Центральную улицу пересек транспарант: «Привет участникам смотра!». На здании Дворца культуры водружали золочёную лиру и лозунг: «С песней по жизни шагая».

— Как вам показался марш? — спросил капитан Насибулин.

— Думаю, судьба ему уготована не менее долгая, чем знаменитому «Прощанию славянки», который духовые оркестры играют вот уже несколько десятков лет.

— Почти восемьдесят, — уточнил Насибулин. — Его мы тоже будем играть. Но «Марш капитана Насибулина», товарищ полковник, мне нравится не меньше. Хотя написал его не я. Я ведь дирижёр, а не композитор. А если сочиняю иногда вальсы и польки, так исключительно для домашнего пользования. Художественной ценности они не представляют. Походный «Марш капитана Насибулина» мне не написать: для меня он слишком хорош. Его написали младший сержант Чудик, рядовые Смычков и Перфильев. И посвятили мне. Вы уж извините, что я вам об этом говорю...

Другой бы на месте полковника, наверное, изумился и сказал бы что-нибудь такое: «Да что вы говорите?! Как всё интересно! Как же это произошло?..» Или: «Я, конечно, не слышал ваши вальсы и польки, но уверен, какую-нибудь ценность они представляют...»

Всей этой чепухи полковник не стал говорить. Он просто шёл и молчал. А молчание иной раз гораздо лучше любых слов.

— В каждой истории, — сказал капитан Насибулин, — есть конец и начало. Начало этой истории самое простое. Конец несколько неожиданный.

Мой дед, которого я никогда не видел и знаю только по фотографиям, погиб в годы войны. Он не был музыкантом. Работал на заводе. Но в дни войны стал солдатом. Последнее письмо, которое от него получили, датировано шестым мая тысяча девятьсот сорок третьего года. За два года до победы. Дед писал, что скоро он и Красная Армия разгромит всех фашистов и он вернётся домой. Просил не беспокоиться о нём: с ним ничего не случится. И ещё писал, что привезёт в подарок красивый красный мяч и настоящую гильзу от снаряда. Мяч и гильза предназначались моему будущему отцу. Будущему моему отцу было тогда десять лет.

Дед не вернулся. Письмо мне показали, когда я подросток и пошёл в школу. Мне было очень жаль деда, жаль отца. Но что я мог сделать?.. Отец подарил мне красивый красный мяч, вероятно, совсем такой, о котором когда-то мечтал сам.

Прошли годы. Я стал отцом. Подошло время моему сыну собираться в школу. Я рассказал ему о его прадеде и прочитал письмо. И подарил, по традиции, красивый красный мяч. Говоря честно, мне показалось, что особого впечатления мой рассказ на сына не произвёл. Произвёл впечатление мяч. Ведь прадед от правнука слишком удалился во времени...

И вот недавно у меня гостил мой отец. В день его приезда, вечером, к нему подошёл мой сын и сказал: «Дедушка, я хочу тебе что-то подарить. Ты это хотел, я помню. У меня нет гильзы от снаряда, но я дарю тебе красный мяч».

Знаете, товарищ полковник, когда я это услышал, я поглядел на своего отца и вдруг с великим отчаянием подумал: «КАК ЖЕ Я В СВОЁ ВРЕМЯ НЕ СДЕЛАЛ ЕМУ ТАКОЙ ЖЕ ПОДАРОК?! ВЕДЬ У МЕНЯ ТОЖЕ БЫЛ КРАСНЫЙ МЯЧ!!»

На этом, собственно, история про красный мяч кончается. Но на следующий день, когда я пришёл в свой музыкантский взвод, я вдруг решил вместо обычной политинформации — о чём сообщает радио и пишут газеты — рассказать то, о чём рассказал сейчас вам. Разумеется, не называя никаких имён. Я очень хотел знать, что и как поймут мои ребята и как ко всему отнесутся.

Слушали они внимательно, вопросов никаких не задавали. Да и потом сидели тихо и молча. Только позже я узнал, что в тот же вечер они все, как один, бросились писать домой письма, заверяя своих пап и мам в своей безграничной любви и преданности. А ведь до этого Заставить их написать хоть одно письмо было весьма трудно... А ещё через неделю подходят

ко мне трое — Чудик, Смычков и Перфильев и смущённо говорят, что вот, мол, марш, который они только закончили... Я стал убеждать их изменить название и уж во всяком случае посвящать марш не мне. Но они твердили, что они — авторы и могут называть так, как считают нужным. И никто им этого запретить не вправе. Так появился, товарищ полковник, «Марш капитана Насибулина». Хотя, по справедливости, должен он быть посвящён моему сыну... Вот и всё.

Капитан и полковник подошли к дому.

— Наверное, — сказал капитан Насибулин, — на фасаде вокзала сейчас тоже укрепляют лиру.

— Вполне возможно, — согласился полковник Яковенко, а потом сказал: — Знаете, Сергей Павлович, а я вам завидую. Да, да, не спорьте. Я тридцать лет в армии и знаю, что говорю. Не многим своим командирам солдаты посвящают марши. И я рад, что этот прекрасный марш они посвятили именно вам...

МУНДШТУКИ

1

В течение дня оркестры один за другим прибывали на вокзал и повзводно вместе с инструментами направлялись по главной улице к зданию школы. (В связи с каникулами школа была предоставлена участникам смотра под временное жильё. Впоследствии за ней на долгие годы так и установится название «Музыкантская».)

Говоря честно, большинству горожан вновь прибывшие казались одинаковыми. Отличить один оркестр от другого было просто невозможно: все с барабанами, все с трубами, все как от одного портного и даже стриглись будто у од-нош парикмахера.

Однако знатоки (таких, правда, было немного) ориентировались в шествии запросто.

— Вон зуевцы идут, — говорили они. — А это — грековцы... Ну, нынче насibuлинцы им дадут!..

— Да как вы отличаете зуевцев от грековцев?!

— По капельмейстерам. Майор Греков с брюшком, а капитан Зуев с усами и бакенбардами.

Действительно, каждый капельмейстер, возглавлявший походный шаг своего оркестра, легко разнился по возрасту, званию и по комплекции.

Здесь были седые майоры и несколько тучноватые подполковники, молодцеватые лейтенанты и поджарые капитаны.

Но лицо каждого выражало такую решимость и отвагу, что даже непосвящённому становилось ясно: бой музыкантам предстоит хотя и скоротечный, но нелёгкий.

Смотр открывался в десять ноль-ноль следующего дня.

2

В последний раз музыканты проверили рабочую готовность инструментов. Тщательно продули мундштуки. Поставили их для окончательной просушки на подоконник.

Теперь предстоял обед.

Музыкантский взвод капитана Насибулина начинал выступление в тринадцать тридцать. Так определил жребий. Поэтому кормили музыкантов вне расписания.

Сначала в столовой побывали бас-геликониист Смычков и кларнетист рядовой Перфильев — дежурный и дневальный по музыкантскому взводу. Они-то и сообщили про дополнительные чайники с компотом, который повара выдают по первому музыкантскому требованию.

— На компот особенно не налегайте, — построив взвод, предупредил младший сержант Чудик. Он был за главного. Капитан Насибулин с утра находился во Дворце культуры — слушал игру соперников. — Лишняя жидкость может в самый критический момент

повредить. А если к тому же мы как-нибудь не так выступим, нам этот компот обязательно припомнят.

Дали слово: компотом не наливать.

Взвод ушёл. Смычков и Перфильев принялись за прерванную шашечную партию.

Сказать честно, в обязанности дежурного и дневального отнюдь не входило устройство шашечных соревнований. Обязанности у них были совершенно другие. И среди многих — смотреть за сохранностью имущества взвода. В нашем случае — музыкальных инструментов.

Так оно всегда и было. Но день выпал необычный. Можно сказать, праздничный. Инструменты в предстартовой позиции лежали на скамейках. Вороны в предстартовом волнении каркали на заборе. Мундштуки солнечными зайчиками поблёскивали на подоконнике.

Перфильев запустил в одну из ворон веником.

— И что каркают? Прямо душу надрывают!

— Верно, — ответил Смычков и «съел» у зазевавшегося партнёра четыре шашки.

3

На обратном пути из столовой музыкантам семь раз напутственно пожали руки их товарищи-десантники. В восьмой раз пожал замполит части подполковник Смольников.

— Все пообедали? — спросил он.

— Так точно! — хором ответили ему.

Замполит придирчиво оглядел внешний вид музыкантов. Внешним видом он остался доволен.

— Как настроение?

Младший сержант Чудик за всех ответил, что настроение бодрое, хотя, конечно, некоторые и волнуются.

— Настоящее искусство без волнения не бывает, — сказал замполит Смольников. — Это следует твёрдо запомнить. Но в решающее мгновение его нужно побороть. Сколько там у вас осталось времени? — спросил он Чудика.

— Сорок минут.

— Время ещё есть... Напоминать о славных боевых традициях полка не буду — об этом я вам целый месяц говорил. Хочу передать напутствие командира части, который сегодня утром улетел в отпуск. В отпуске он, между прочим, не был два года. Так вот, он сказал: «Победа начинается с малого, поражение — с пустяка. Желаю музыкантскому взводу победы».

— Ура-а! — закричали все.

Хотя «ура!» кричать было и не обязательно, но нервы не выдержали.

— И последнее. Сегодня половина мест в концертном зале отдана нашему полку. Делегатов мы, конечно, предупредили: хлопать они будут всем одинаково, но вам — немного громче. А теперь — идите.

4

С десяти утра капитан Насибулин был в зрительном зале.

Уже выступили морозовцы и грековцы. Играли они, как всегда, слаженно, проникновенно. И хотя это были соперники, капитан их игрой просто наслаждался.

Через два часа в этом зале его взвод должен был дать фаворитам настоящий бой.

Капитан верил, что так оно и будет.

Он взглянул на часы и тихонько вышел из зала.

5

Перед своим взводом капитан появился без десяти час. В парадном мундире. Свежевыбритый и отглаженный. От мундира и от капитана вкусно пахло одеколоном «Командор».

Под мышкой он держал убранныю в чехол дирижёрскую палочку. Таких у него было две: одна, из обычного бамбука, будничная; другая, из бамбука китайского, праздничная.

Сегодня у него как раз была праздничная.

Едва переступив порог, капитан понял: что-то случилось.

Младший сержант Чудик, даже не пытаясь скрыть волнение, доложил, что пропали два мундштука: от бас-геликона и корнет-а-пистона. Мундштуки вместе с другими стояли на окне. Есть подозрение, что их унесла ворона. Или вороны.

До начала выступления оставалось двадцать пять минут.

Капитан молчал долго. Пожалуй, даже очень долго. Потом оглядел свой взвод и сказал:

— Ну что ж, времени ловить ворон у нас нет. Будете играть на тех инструментах, какие у вас есть.

— А запасные мундштуки?! — в полном отчаянии вскричали рядовые Смычков и Перфильев — проникновенные авторы походного «Марша капитана Насибулина».

Младший сержант Чудик также с надеждой посмотрел на капитана: ключ от ящичка с запасными мундштуками находился у него.

— Повторяю: играть будете на том, что есть. Разбирайте инструменты, стройтесь и пошли.

6

В зрительном зале единодушно отметили, что выступал оркестр с каким-то вдохновенным отчаянием. А марш произвёл просто настоящий фурор.

Зрители много и долго кричали «браво!» и даже «бис!».

Однако опытное жюри отметило слабую игру корнет-а-пистона, и уж совсем поразительно бледно выглядел бас-геликон.

Никому даже в голову не могло прийти, что два оркестранта играют без мундштуков.

В итоге насибулинцы заняли седьмое место.

Впереди и на этот раз оказались оркестры капитанов Зуева и Морозова.

В свой музыкантский взвод капитан Насибулин в этот день больше ни разу не зашёл.

7

Давно был отбой. Все в полку спали. Лишь музыкантский взвод бессонно ворочался на своих койках. Никто никого не ругал. Никто ни перед кем не оправдывался. Если так можно сказать, бодрствующие музыканты чувствовали себя как в воду опущенные.

Многие в полку потом говорили: «Если бы не ворона!..»

Но при чём тут ворона?

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](http://BooksCafe.Net)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)